

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ

АКАДЕМИЯ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИЙ СБОРНИК

ВОПРОСЫ ХЕТТОЛОГИИ И ХУРРИТОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1961

СРАВНИТЕЛЬНО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ХУРРИТСКОГО И УРАРТСКОГО ЯЗЫКОВ

Комбинаторный метод определения значений слов и грамматических формантов привел к существенным успехам в области изучения как урартского языка (в особенности в работах И.Фридриха, И.И. Мещанинова, А.Гётце, Г.А.Меликишвили, Г.В.Церетели, Г.А.Капанцяна, М.Церетели), так и хурритского (в особенности в работах И.Фридриха, А.Гётце и Э.Шпейзера) и дал возможность установить родство этих языков между собой. Сейчас, опираясь на фундаментальные труды Г.А.Меликишвили¹ и Э.Шпейзера², пожалуй, уже можно попытаться дать первоначальный очерк сравнительной грамматики этих языков.

ФОНЕТИКА

Вопросы урартской фонетики рассматриваются нами подробно в другой работе, где, в частности, разбирается вопрос о сопостав-

1. Г.А.Меликишвили, УЖН, ВДИ, 1953, № 1-4; 1954, № 1. - В большинстве примеров мы не ссылались на номер текста, так как любой контекст легко найти по указателю к УЖН: см. также И.И.Мещанинов, Грамматический строй урартского языка, I, М.-Л., 1958.

- Последняя работа в настоящей статье не могла быть учтена.

2. Itn (в дальнейшем указывается только параграф).

лении урартской и хурритской фонетики, поэтому здесь мы ограничимся кратким изложением основных выводов.

В хурритском имеются гласные а, е, і, о, и у. Долгие и краткие гласные, по-видимому, не различались. То же самое мы наблюдаем и в урартском, где полногласные написания не имеют фонетического значения, и можно прибавить, что долгие и краткие гласные не различаются также и в тех новых языках (грузинском и армянском), для которых хурритский и урартский, вероятно, послужили субстратом.

В урартском существовали те же пять гласных. Греческие и армянские транскрипции урартских слов и топонимических названий наглядно показывают, что звук, передаваемый в нашей обычной транскрипции как *и*, в действительности едва ли не чаще звучал как *о*. Так, ур. *tušra*, греч. *θωσπ-ιτις*, арм. *Тоср*; ур. *šura-*, греч. *Σοφ-ηνη*, арм. *šor^h-k^h* (основа *šor^ha-*); ур. *qumaḥa-*, греч. *Κομμαρ-ηνη*; ур. *qulḥa*, греч. *Κολχ-ις*; ур. *diau(e)-ḥe*, греч. *Ταο-χοι* груз. *тао* и т.д. На то же явление указывает аккадская передача ур. *Sarduri* как *Sardaurri*, ур. *wašī-* как *Uauš*.

К сожалению, мы не всегда можем установить, в каких случаях графическое *и* нужно читать как *о*, поэтому мы в дальнейшем сохраняем написание с *и*, однако необходимо иметь в виду, что под этим графическим обозначением может скрываться как *и* так и *о* (иногда мы пользовались для хурритского символом *и/о*).

Конечные *-і* или *-е* в урартском (часто чередующиеся в графической передаче), по всей видимости, передают редуцированный гласный. Это видно из сопоставления ряда урартских слов с хурритскими, где ур. *-і/е* соответствует хуррит. *-і*, *-е*, *-а* и даже возможно, *-о/и* (но последнему — не в конечном положении, см. об этом ниже). Так как урартская графика не всегда дает возможность отличать друг от друга редуцированный гласный *-е*, а также *-і* и *-е*, то мы будем пользоваться условным символом *-і/е*.

В словах, общих для хурритского и урартского языков³, последний, как правило, сохраняет качество хурритского гласного, как видно из следующих примеров:

Гласный а: ур. *baba(ni/e)* 'гора' - хуррит. *raḫa(n)* (или *raḫḫena*) то же; ур. *ḫari/e* 'дорога', 'поход' - хуррит. *ḫari* то же; ур. *alaw-ini/e* 'господский' - хуррит. *allaḫ* 'госпожа'.

Гласный е: ур. *ewri/e* 'господин' - хуррит. *ewri*, *erwi* 'царь'; ур. *edi/e* послелог направления и цели - хуррит. *edi* 'ради'; ур. *-še*, *-ši-* суффикс абстрактных имен - хуррит. *-šē* то же.

Гласный і: ур. *piḫ-u-še* 'радость', 'ликование' - хуррит. *piḫ-* 'ликовать'.

Гласный о: ур. *uli* (читается */oli/e/*) 'иной' - хуррит. *oli* то же; глагольный суффикс ур. *-ul-* (читается *-ol-*) - хуррит. *-ol-*; ур. *maḫ-u* (читается *maḫo*) 'был' - хуррит. *maḫḫ-o*, глагольный суффикс ур. *-itu* - хуррит. *-ido*.

Гласный и: глагольный суффикс ур. *-uḫar*⁴ - хуррит. *-uḫar-*. В хурритском и изредка чередуется с і, поэтому и в урартском можно в некоторых случаях ждать отражения хуррит. *u* как *i*, или *i* как *u*.

3. Следует отметить, что для хурритского языка нашим основным источником является пространное письмо Тушратты, царя Митанни, к египетскому царю, а также различные, преимущественно религиозные, тексты, в то время как для урартского известны почти одни лишь скальные надписи военного и строительного характера и очень краткие votivные надписи на предметах ремесла. Поэтому естественно, что лексика, известная нам для того и другого языка, весьма различна по своему составу. В результате число лексических элементов, зарегистрированных одновременно и в хурритском, и в урартском, не так велико. Это число не отражает действительно существовавшего процента лексики, общей для обоих языков.

4. И *-iḫar-?* Ср. ур. *an-iḫar-d-u-ni/e*.

Однако в некоторых случаях хурритский гласный оказывается в урартском редуцированным. Это касается прежде всего конечных гласных и особенно ясно видно на примере хуррит. *šawala* 'год' ур. *šali/e*; хурритское энклитическое местоимение 3-го лица множественного числа *-lla, -lle* > урартский глагольный суффикс 3-го лица множественного числа *-li/e*, и др.⁵

В отдельных случаях, может быть, под влиянием ударения, как кажется, редуцируются гласные и в других положениях, например хуррит. *šala* 'дочь' > ур. *ši/ela(?)*; хуррит. *šawr-* // **kawr-* 'земля' ур. *qi/ewra(?)*; впрочем, оба эти сопоставления сомнительны по другим фонетическим причинам, как мы увидим ниже. Особенно загадочно соответствие хуррит. *teššū/ob* 'бог Тешуб' с урартским названием того же бога, которое пишется *^dte-i-še-ba-, ^dte-e-i-še-ba-a-*. Если во втором слоге здесь, видимо, необычная редукция *o* > *e*, то дифтонг в первом слоге еще более трудно объяснить; может быть, в урартском здесь сохраняется более архаичная форма; во всяком случае, хуррит. *teššū/ob* явно соответствует в урартском *tei šī/eba*.

Впрочем, характер, происхождение и соответствия урартских дифтонгов далеко еще не ясны.

В урартском нередко наблюдаются конечные гласные, не имеющие соответствия в хурритском. Так, урартские форманты *-še*, редко *-š* (эргативного падежа), *-bi/e* (*/-ve-/*), *-(i)ni/e* соответствуют хурритским *-ā, -f(f)* (или *-v*), *-(e)n*. Утрата конечных гласных формантов нередко наблюдается (под влиянием ударения?) и в хурритском.

Следует отметить особую групп слов с конечным *-a*; слова этой группы в урартском не только не редуцируют конечного *-a*, но и представлены шире, чем в хурритском. Сюда относятся:

5. Как мы увидим в дальнейшем, этот редуцированный гласный может восстанавливаться при присоединении суффиксов: *šī-u-l-i-je*, но *šī-u-l-i-ja-li/e*; *ebanī-uki/e*, но *ebanī-uka-ni/e* и т.д.

1) термины родства и родоплеменного быта: хуррит. *atta(j)* 'отец', *zēna* 'брат', *ela* 'сестра', *šala* 'дочь', **amma* 'мать' (но *rudgi* 'сын', *ašti* 'жена'), *zarra* 'царь', 'вождь'; ур. *šila* 'дочь(?)', *b/purgala* 'союзник(?)', *b/pura* 'раб', *para* 'племя(?)', 'люди';

2) термины географические: хуррит. *šeja* (и *šīwe*, *šije*) 'река'; ур. *qi/ewra* 'земля', *šupa* 'река', *baba(ni/e)* 'гора' (ср. *paba-n*, *rappe-na* в хурритском), *alga* 'межа', *dainala* название(?) реки⁶;

3) имена многих божеств в урартском: *Baṣia*, *ḥaldia*⁷, *ḥara*, *ḥuba*⁸, *Queṣa*, *Teišeba*, *Tuṣru(w)ea*, *Ua(wa?)*, а также собственные имена: *Dada*, *Inuṣrua*, *Minua*, *Rusa*, *Tata*, *Tatia*, *Urzana*⁹.

В большинстве этих случаев ударение, может быть, лежало на последнем слоге основы, что показывают аккадские передачи имени *Rusa* как ^m*Ru-sa-a*, ^m*Ur-sa-a*, редукция гласного в *šala* > *si/ela*,

6. Ср. также *Tuṣra*.

7. Так в аккадской передаче; в урартских текстах имя верховного божества – *ḥaldi* или (в мусасирском диалекте?) *aldi*. Для удобства склонения мы будем в дальнейшем называть это божество "Калдий".

8. Урартское *ḥuba* странным образом соответствует хуррит. *ḥebat* (см.: Г.А.Меликишвили, Наири-Урарту, Тбилиси, 1954, стр. 373). Хурритское имя *ḥebat* – само по себе аномальное, так как передача этого имени в алфавитной клинописи Рас-Шамры показывает, что оно читалось с конечным *t*, а не *d*, как ожидалось бы по общему правилу. Э.Шнейзер (Ith, § 51) производит его из **ḥawwat*, позже *ḥāwwa(h)* 'Ева'. Б.Грозный, наоборот, выводил имя Ева из *ḥebat*.

9. Но ср. также хуррит. *tiža* 'сердце', *šawala* 'год', *šeḥala* 'чистый', *olla* 'совокупность', в которых (по крайней мере, в случае *šawala* > *šali/e*) урартский дает редукцию конечного гласного.

ḫawr- > q1/ewra, упрощение дифтонга в слове q1/ewra > q1/era и утеря падежных окончаний у имен этой группы: Minua-i > Minua, Tuḫra-e > Tuḫra и т.д. Впрочем, возможно, что перенос ударения на последний гласный основы происходил в ряде случаев только при склонении (ср. ур. Tuḫra > арм. Товр).

Какого бы ни было происхождение лишнего гласного -а (здесь можно думать о пережитке классного показателя) и редуцированно-го гласного -i/е, надо полагать, что урартский здесь сохраняет более архаичные формы, что вообще характерно для урартской фонетики.

Система согласных в хурритском и урартском языках различается. Для хурритского характерно наличие пар согласных, из которых один "удвоенный" (или, может быть, интенсивный) и всегда глухой, а другой - "неудвоенный" и, возможно, придыхательный, причем может быть звонким или глухим по комбинаторным причинам (а именно, звонким, если следует за гласным или плавным, и глухим в остальных случаях)¹⁰. Пары эти следующие:

pp	p/b	ff(?)	v(?) ¹¹
tt	t/d	ss	z ¹²
kk	k/g	ḫḫ	ḫ/ḡ ¹³

Кроме того, имеются звуки в и z (по-видимому, аффрикаты /ts/ и /dz/¹⁴), а также неслоговое j (или j), и ɟ (или w).

10. Щелевые, видимо, могут быть звонкими и в анлауте.

11. Возможно наличие двух пар губных щелевых: ɸɸ и w, ff и v.

12. Графически эти звуки не всегда легко отличить друг от друга. В сомнительных случаях употребляется транскрипция ž. Возможно, это междузубные звуки типа [ʈ] и [ʈʰ], судя по тому, что они ассимилируются последующему -t и -ll (глухому lʰ?).

13. Возможно также наличие [ḡ].

14. Э. Шпейзер, впрочем, считает аффрикатом только z /ts/.

Наконец, имеются плавные *l*, *g*, *m*, *n*, удвоение которых, по-видимому, не ведет к оглушению¹⁵. Звук *g* имеет своеобразный характер (возможно, глухой или придыхательный)¹⁶.

Для урартской системы согласных характерна общая для семитских и большинства кавказских языков черта — наличие троек смычных согласных: звонкого, интенсивного (или сопровождающегося гортанным взрывом) и глухого (иногда придыхательного). Тройки эти следующие:

b, *ḅ*¹⁷, *p*

d, *ṭ*, *t*

g, *q*, *k*

Кроме того, имеются щелевые:

— *v*¹⁸

*s*¹⁹ —

*ṣ*²⁰ —

ḥ, *ḫ*²¹ (ʾ)²²

15. Впрочем, возможно, что удвоенное *ll* есть глухой *l*.

16. Графическое *g*, по-видимому, иногда применяется также для передачи звука [ḡ], обычно передаваемого с помощью *ḡ*.

17. Наличие в урартском интенсивного *ḅ* не регистрируется графикой и выявляется из сопоставления урартских терминов с их греческими и армянскими передачами, например: ур. *ṭiḡra* > арм. *Թոր*, греч. *Θοβλ* —, но ур. *ṣura* — > арм. *Տորհա* — греч. *Σοφ* —. Менее вероятно видеть в арм. *p^h* и греч. *φ* передачу ур. **ṭ*.

18. Графически передается при помощи *-b*, например ур. *ḅiani* — арм. *van*, ур. глагольный суффикс *-bi/e* — хуррит. *-(a)ff* [или *-(a)w*, *-(a)vʒ*], ур. *abili* > арм. *avel* и др.

19. Характер этого звука неясен. Он соответствует акадскому (ассирийский диалект) графическому *s*, чтение которого также не совсем ясно (ур. *sarduri* — ассир. *sardaurri*). Н.Я. Марр видел в

Далее, аффрикаты ʒ ($/\text{tʃ}/$)²³ и ʒ ($/\text{dʒ}/$)²⁴, неслоговые u , i (или w , j)²⁵ и плавные l , r , m , n . Звук r имеет своеобразный характер (глухой или придыхательный?). Гласный между r и другим

ур. ʒ звук $/\text{r}/$ исходя из предполагаемого соответствия ур. ru-lu-si 'стела' > арм. puluž .

20. По-видимому, урартское графическое š произносилось $/\text{ʃ}/$, как, по всей вероятности, и в ассирийском диалекте аккадского, графику которого заимствовали урартские писцы. См. ур. tušra > арм. товр ; ур. šani/e 'сосуд' арм. san , ур. šuri/e 'оружие', 'меч' арм. sur , ур. Pašua - аккад. (вавил.) Pašua . Ассирийские передачи, например, ур. Išru(w)ini/e - ассир. uṣṣina , ур. wūši - асс. Uauš не противоречат этому, так как асс. $\text{š} = /s/$.

21. Графически $/\text{h}/$ и $/\text{r}/$ не различаются, однако ср. ур. qu-maḥa > греч. Κομμαρ , но ур. quḥa > греч. Κολχ- .

22. Знак (³), возможно, передает звук $/\text{h}/$.

23. Урартское šura- > арм. $\text{сор}^{\text{h}}\text{a}$; ур. sue (читается $/\text{tsowe}/$) 'озеро'; арм. cov . Однако, возможно, что урартское графическое ʒ передает более одного аффриката, например еще и $/\text{tʃ}/$.

24. Возможно, также и $/\text{dʒ}/$, например, ур. zabaḥa > арм. $\text{Džawaḥ-k}^{\text{h}}$.

25. Специальных слоговых знаков для слогов с w и j (кроме $-\text{ja-}$) в урартском нет. w передается вставкой знака для u или вовсе не передается: $\text{kur-ú-ši} = /wose/$, $\text{LUGAL meš-u-e} = /ereḥawe/$, $\text{šu-e} = /tsowe/$; ' j ' передается либо по тому же принципу (ḥa-ú-li-e , $\text{ḥa-ú-li-i-e} = /ḥauli/eje/$, $\text{i-e-še} = /ješe/$); либо при помощи слоговых знаков для g , например: gi-e-i , ta-ra-e , ta-ra-i-e , ta-ra-gi , e-ba-ni-(i)-e-di , e-ba-ni-gi-di , ku-i-gu-ni , ku-gu-ni , ku-i-tu , Ša-ti-ra-ra-ga для $/jei/$, tara-je , ebani-e-jedi , kujuni , kujito , Šatirara-je .

согласным обыкновенно элидируется, причем если этот согласный *l*, то *l* ассимилируется ему²⁶.

Очевидно, урартская система согласных ближе к ожидаемой первоначальной, чем хурритская.

Характерная черта урартской системы – отсутствие "удвоенных" (долгих) согласных.

Поскольку в хурритском качество смычных зависит от позиции, т.е. фактически различие в звонкости не фонематично и различаются только "редуплицированные" и "нередуплицированные" согласные, а в урартском, напротив, смычные различаются по качеству, но не редуплицируются, – постольку соотношение между хурритскими и урартскими смычными довольно сложно. Именно это обстоятельство вызывает кажущуюся незакономерность хуррито-урартских соответствий в этой области.

Полагая, что урартская система в основном сохраняет качественный характер первоначального смычного согласного, а хурритская – его первоначальное количество, мы можем представить хуррито-урартские соотношения смычных в следующем виде (табл. I):

Хурритское *ff*, видимо, не более как фонетический вариант *v* или *w*, возникающий в условиях редупликации или анлаута. В урартском имеется поэтому только один звук *[v]*; глухому хурритскому окончанию *-(a)ff*²⁷ в показателе I-го лица субъекта действия переходного глагола соответствует в урартском графическое *-bi/e* (читай *[-ve]*).

Возможно, таково же положение с хурритскими звуками *āā* и *īī*²⁸.

26. Ни одно слово, кроме имен собственных, не начинается с *l* (ср. урартское имя *Rusa*, но в аккадской передаче *Uršai*). После *l* графически допускается разрыв слогов, что соответствует введению после *l* звука *[ʔ]*.

27. Однако действительно ли здесь в хурритском глухой согласный?

28. Впрочем, в хурритском *ā* и *ī* различаются и в анлауте.

Хуррито-урартские соответствия смычных

Исходная форма	Хурритская форма	Урартская форма	П р и м е р ы
^м б	b/p	b	ур. baba(ni/e) 'гора' хуррит. paba(n) 'гора'.
^м р	^м b/p	^м р	?
^м р	b/p	p	хуррит. par- 'брать' ур. par- 'забирать' ^ж
^м bb	pp	b	ур. baba(ni/e) 'гора' хуррит. pappa/ena 'гора' , (диалектный вариант)
^м pp	^м pp	^м р	?
^м pp	^м pp	p	?
^м d	d/t	d	ур. dur-b- 'восставать' хуррит. turubi 'мятеж', 'беда', 'беспорядок'; ур. Dadi и.с. хуррит. tad- 'любить'; ур. Diau(e)-he, хуррит. ^м T(i)aw-he греч.
^м t	d/t	t	ур. taeae 'великий' ^{жж} хуррит. teae 'большой'

* Хуррит. u/orb-ar- 'резать', 'закалывать' соответствует ур. urb/ru 'жертвы', но качество звука в урартском здесь неясно.

^{жж} УКН, I27, V, 79: D ù^{меš}-li tē-a-e 'Е-Г А L^{меš} 'построил большие крепости'. Прилагательные на -ae не имеют множественного числа, или форма -ae заменяется во множественном числе другой формой.

Исходная форма	Хурритская форма	Урартская форма	П р и м е р ы
*t	d/t	t	ур. суффикс -itu , хуррит. -ido; ур. tan- 'совершать', 'завершать', хуррит. tan- 'делать'; ур. hat- 'обращаться', хуррит. had- 'отмечать', 'записывать'(?)
*dd	d/t	d	ур. суффикс -di/e, хуррит. -tta;
*tt	tt	t	?
*tt	tt	t	?
*g	g/k	g; j.	ур. ag- 'вести', хуррит. ag-; ур. суффикс -ugar-, хуррит. -ugar-;
*q	g/k/ h?	q	ур. qī/ewra 'земля', хуррит. hawr-(?), ср.хурритские варианты ke āki, ke āpi, he āki, he āpi 'кресло', 'престол'.
*k	*g/k	*k	?
*gg	*kk	*g	?
*qq	*kk	*q	?
*kk	*kk	*k	?

Оба имеют в урартском, - по крайней мере графически, - одно соответствие, хорошо засвидетельствованное большим количеством

примеров, а именно: хуррит. $\bar{a}\bar{a}$, $\bar{z}$ ур. $\bar{z}$ (/ $\bar{a}$ /): хурритские суффиксы $-\bar{a}\bar{a}e$ и $-\bar{a}(\bar{a})$ дают оба в ур. $-\bar{z}e$; глагольный суффикс $-\bar{z}t-$ > ур. $-\bar{z}t-$; хуррит. $\bar{z}awala$ (вероятно, = $\bar{z}awala$) > ур. $\bar{z}ali/e$; хуррит. $\bar{z}ae$ 'далекий' > ур. $\bar{z}ai-$; в то же время хуррит. $\bar{z}a\bar{z}-$ 'слышать', ур. $\bar{z}a\bar{z}-$; хурритский суффикс $-\bar{z}a$ > ур. $-\bar{z}e$, и т.д. Разумеется, хурритский суффикс $-\bar{a}\bar{z}-ta$ > $-\bar{a}\bar{z}ta$ дает ур. $-\bar{a}\bar{z}te$; хуррит. $a\bar{z}u-$ 'жертвовать(?)' дает ур. $a\bar{z}u-$ 'устанавливать, устанавливая ритуальный порядок'.

Имеется одно сомнительное исключение: хуррит. $\bar{z}ala$ (= $\bar{z}ala$)? или = ($\bar{z}ala$)? 'дочь' дает, по-видимому, в урартском $zila$ (что, по Н.Я.Марру, надо было бы читать $\bar{z}ila$) . Вообще неясно, чему соответствует урартское графическое z , которое, видимо, имело шипящий характер. Не исключена возможность, что соотношения между хуррит. $\bar{a}$, $\bar{z}$ и ур. $\bar{z}$, z были более сложными, подобно тому как это наблюдается в отношении смычных; например, $\bar{z}$ в анлауте могло давать $\bar{z}$ в хурритском и z (/ $\bar{z}$ / ?) в урартском, а в других случаях и $\bar{a}$ и $\bar{z}$ давали в урартском $\bar{z}$ (/ $\bar{a}$ /).

Следует отметить, что в хурритском изредка встречается удвоенное zz , также, по-видимому, соответствующее ур. z ; так, хурритское окончание прилагательных $-(u)zzi$, $-(z)zi$, видимо, соответствует урартскому окончанию $-usi/e$.

В целом, помимо того что хуррит. $\bar{z}$ и $\bar{a}$ обычно соответствуют ур. $\bar{z}$, пока трудно сказать что-либо вполне определенное в отношении группы переднеязычных щелевых.

Хурритские $\bar{h}\bar{h}$ и $\bar{h}$ соответствуют урартскому графическому $\bar{h}$, в частности в известном окончании притяжательных прилагательных ур. $-\bar{h}i/e$; в хурритском, возможно, было два окончания с примерно одинаковым значением: $-\bar{h}\bar{h}e$ и $-\bar{h}e(?)$ ²⁹.

Хурритская аффриката z (/ ts /) соответствует урартской аффрикате z (/ ts /), что видно из хуррит. $piz-$ 'ликовать', ур. $piz-u-\bar{z}e$ 'ликование'.

29. Хуррит. $\bar{h}$, чередующееся с k , может, по-видимому, соответствовать и ур. q .

Соответствует ли хуррит. *z* ур. *z*, пока неясно.

Хурритские плавные сохраняются и в урартском: хуррит. *man-* 'быть' - ур. *man-*; хурритские суффиксы *-ol-*, *-l-*, *-lla* - ур. *-ul-*, *-l-*, *-li/e*; хуррит. *ar-* 'давать' - ур. *ar-*, и многие другие.

Хурритское */j/* соответствует такому же урартскому звуку: хуррит. *(j)iṣa* 'я' - ур. *jeṣe*; хурритское отрицание *uṣa* 'нет' - ур. *uṣe*, *uṣ(i)* 'не'; хурритское притяжательное местоимение 3-го лица *-ija-* - ур. *-ija-*, *-(i)je-*. Неясна причина, по которой хуррит. *allaṣ* 'госпожа', по-видимому, соответствует ур. *alaw-ini/e* 'господский'.

Сложнее обстоит дело с урартским соответствием хурритскому *w* (ц). Этот звук сохраняется в анлауте - по крайней мере слова с начальным *w-* знает как урартский, так и хурритский, хотя до нас пока не дошло примеров одного и того же слова с таким началом в обоих языках, но, как правило, *w* элидируется между гласными. При этом может произойти стяжение (хуррит. *ṣawala* 'год' > ур. *ṣali/e*, хуррит. *tiwe* 'слово', 'дело' > ур. *ti-* 'говорить'), или его может и не произойти [хуррит. *tiwa* - вариант к *tiwe* > ур. *tija-* (вариант к *ti-*)]; хуррит. *awē* 'где?', 'когда?', ур. *aiṣe(i)* 'где-нибудь' - но *awje* 'где?', 'куда?', 'куда-нибудь'; хурритское окончание родительного и дательного падежей *-we*, *-wa* дает в урартском *-e* (*/-e/*) не только после гласного *-i/e*, но и после гласного *-a* или *-u*.

Но при образовании зияния (встрече гласных *-ai/e*, *-ie*, *-ue*, *-i/ea* и т.п.) в урартском языке имеется тенденция вставлять неслогообразующий звук (чаще всего *-j-*, реже, по-видимому, *-w-*): *tarae* 'большой' > *taraṣe*, *ebani/e-edī* > *ebanijedi*; *ṣue* читалось, видимо, */ṣowe/*, ср. арм. *ṣov*.

Имеется единственный случай сохранения *w* между гласными: родительный и дательный падежи звучат по-урартски во множественном числе *-we* (хуррит. *-we*, *-wa*) - по-видимому, для различения от форм единственного числа.

В целом можно сказать, что, несмотря на отдельные инновации (утрата редупликации, редукция конечных гласных, облегчительные согласные в случаях зияния), урартский язык по своей фонетике, видимо, значительно ближе к языку-основе, чем хурритский. В урартском наблюдается также значительно меньше ассимиляций и других комбинаторных звуковых изменений, чем в хурритском³⁰.

МОРФОЛОГИЯ

Мы не будем в настоящем очерке рассматривать всех частей речи хурритского и урартского языков, а ограничимся рассмотрением имени с его надежными показателями, возникшими из послелогов; глагола и местоимения, причем из практических соображений местоимение будет рассмотрено после имени и глагола, так как исследование последних позволит лучше выявить как самое наличие в текстах местоимений, так и их судьбу в урартском.

Имя

Прежде всего следует отметить совпадение основных словообразовательных принципов и формантов в хурритском и урартском. Основа как в хурритском, так и в урартском большей частью односложная (типа *ar-*, *d/tad-*, *ḥa-*, *ḥaṣ-*, значительно реже типа *batq-*, *aḥḥ-*, *ḥawr-*, причем в последнем случае можно думать, что конечный согласный основы представляет остаток какого-либо древнего морфологического форманта). Встречаются основы редулицированные (ур. *ḥarḥar-*) и сокращенно-редулицированные (ур. *qabq-*, вероятно, **qab-qab-*) и основы, которые следует счи-

30. Например, хуррит. **Galgamiṣ-uṣ-lla* 'Гильгамеш их...' > *Galgamiṣul*, **Miz(i)r-ne* > *Mizirre* (*Mizir* 'Египет'); **kul-i-l-i/e* 'пусть ты скажешь' > *kulli/e*; **ṣawala-na* > *ṣawalla* (*ṣawala* 'год'); **ḥupellure-na* (бог *ḥupellure*) > *ḥupellurra* и многие другие; ур. **par-itu* > *partu*, **ṣid-(i)št-itu-li/e* > *ṣidištuli/e*, **tur-u-li/e* > *tuli/e* и т.д.

тать результатом словосложения [хуррит. taršūwa(nne), ур. taršua(ni/e) 'человек'].

Широко применяется расширение основы при помощи особых модифицирующих элементов, которые еще шире применяются с глагольными основами, почему мы их и рассмотрим ниже в связи с глаголом.

Большинство имен оканчивается в обоих языках на тематический гласный, чаще всего -i/e, реже -a (см. стр. 370 и сл.), еще реже -u/o.

Прилагательные образуются нередко при помощи суффиксов. Так, притяжательные и этнонимические прилагательные образуются в обоих языках при помощи -oññe, -ññe, -ñe (хуррит.), -uñi/e, -ñi/e (ур.): хуррит. aštoññe 'женский', turoññe 'мужской', ħurroññe 'хурритский', erwi-š-ñe, ewri-ši-ñe 'относящийся к царской повинности', lula-ñe 'луллубейский', ħlbg (в Рас-Шамре, чит. [ħalbare]) 'алеппский', ninuari (чит. [ninuare]) 'ниневийский'; ур. tarai-uñi/e 'относящийся к Великому' minua-ñi/e-ni/e 'Минуин (сын)', sarduri-ñi/e-ni/e 'сардуриев', Diau(e)-ñi/e-ni/e 'диаухе, член (или вождь) племени Диаухе' и т.д.

Для выражения притяжательных прилагательных хурритский применяет также формант -ne (-inne, -unne, -onne), а урартский -(i)ni/e: хуррит. ašp-oš-i-kk-onne 'жертвовател'(?), ур. Mana-(i)nie ebani/e 'Маннейская страна'; 'Aza-ini/e ebani/e; ħaldi-(i)ni/e-li/e šešti-li/e 'Халдиевы ворота'

В урартском притяжательные прилагательные часто употребляются вместо имен существительных в родительном падеже; в хурритском это явление также наблюдается, хотя и реже.

Другой формант прилагательных: хуррит. -ae, ур. -ae, -aje: хуррит. te-ae, te-ol-ae 'большой', nir-ae 'слабый', faħ(i)re < *fahr-ae (или paħ(i)re, *paħr-ae 'хороший', ker-ae 'длинный'; ур. te-ae 'большой', ter-a(j)e 'установленный' (также ter-a-ini/e, ter-a-ñi/e-ni/e), tar-a(j)e 'великий' и т.п.³¹

31. Наряду с этим существует и специфические для того и другого языка форманты, например хуррит.- b, встречающийся, впрочем, преимущественного в составных собственных именах.

Образование глагольных имен мы рассмотрим ниже.

Как в хурритском, так и в урартском имя имеет два числа: единственное и множественное. В хурритском множественное число выражается показателем $-a\bar{z}^{32}$, который в урартском встречается только пережиточно. В урартском каждое имя имеет две основы — для единственного и для множественного числа, различающиеся тематическим гласным (для множественного числа тематический гласный $-a-$). Абсолютный падеж (падеж субъекта состояния, т.е. субъекта непереходного и объекта переходного глагола) выражается в урартском во множественном числе суффиксом $-li/e$, присоединяемым к основе единственного числа. Это, очевидно, хурритское энклитическое личное местоимение абсолютного падежа 3-го лица множественного числа $-lla$; данная форма, несомненно, восходит к коллективному множественному (которое в обоих языках передается формой единственного числа) и первоначально употреблялась предикативно.

Падежные отношения выражаются в хурритском при помощи особых полусамостоятельных элементов, находящихся на пути превращения из послелогов в падежные окончания. Они помещаются после основы, но также после соотносительной частицы $-ne-$, $-na-$ и энклитических притяжательных местоимений и даже (в случае "стативного" падежа) после предикативной частицы $-n$.

Так же выражаются падежные отношения и в урартском. Некоторые падежные показатели обнаруживают свое происхождение из послелогов. Речь идет о показателе $-edi$. Если другие падежные показатели повторяются при атрибутах и прилагательных определениях (явление согласования), то $-edi$ употребляется нередко лишь раз при комплексе определяемое-определение как послелог ($Bablu-ni/e ebani/e-jedi$ 'в страну Вавилона'). Как послелог выступает и edi + окончание аблатива и локатива ($edi-ni/e$, $edi-a$).

32. Помещается после энклитических притяжательных местоимений.

Семь падежей имеют общие показатели в хурритском и урартском; кроме того, в хурритском зарегистрирован один падежный показатель (комитатива или совместно-сравнительного падежа -га), не обнаруженный в урартском, а в урартском известны три падежных показателя, не обнаруженных в хурритском (иллатив -se, аблатив -ni/e, а также направительный показатель -edi, существующий в хурритском, а отчасти и в урартском, в качестве самостоятельного слова).

Система общих для обоих языков падежей такова (см.табл.2).

Таблица 2

Падежные показатели
общие для хурритского и урартского языков

Падеж	Хурритский	Урартский	
	Единственное число ¹	Единственное число	Множественное число
Субъекта действия (эргатив)	-ā	-še	-še
Субъекта состояния (абсолютный)	-	-	-li/e ³
Родительный (генитив)....	-we	-e(-je) ⁴	-we
Дательный (датив)	-wa	-e ⁵ /-e/	-we /-we/
Местный (локатив)	-(j)a ⁶	-a ⁶	-a ⁷
Качественный (статив) ² ..	-a ⁸	-a ⁸	?
Направительный (аллатив).	-t/da	- ⁹	-aš-te ¹⁰ /-aš-te/

23. Ср. ур. eban(i)-e-uki/e-edi 'к моей стране', nap-aḫ-ija-iḥ 'к его усмирению(?)'; ulg-u-š(e)-ija-ni/e edi-ni/e 'ради его жизни', šar(i)-je-ni/e 'от его оружия'; также e-ú-ri-i-e, e m-gi-e надо в ряде случаев понимать как ewr(i)-ij(a)-e 'его господину', ср. идеографически e n-šú (например, УКН, I49, I); ср. хуррит. In atjnpē (Рас.Шампа) = *ene attaj-ne-iff(u)-ā 'боги предков моих'; šin-ija-(a)z-(w)e 'их двух'.

1 Падежные показатели во множественном числе испытывают в хурритском значительные фонетические изменения и вместе с показателем множественного числа *-aṣ* звучат: эрг. *-(a)ṣuṣ*, абс. *-aṣ*, ген. *-(a)ṣe*, дат. *-(a)ṣa*, лок. *-(a)ṣa*, аллат. *-aṣta*.

2 Статив выражает качество или состояние, в которое приведен данный предмет или понятие, а также материал и т.п.: *ḫiaṣuḫḫ-a naḫkaṣ-a* '/из/ кованого золота'; *uṣḫe-n paḫ-a kuḫ-i-ja-ma paḫi-maḫ uṣḫ-a kuḫ-i-ja-ma* '/что/ истина [есть] ложью (в качестве лжи) он не объявит, ложь же истиной он не объявит'; *aṣti-na-a* 'в качестве жены [есть]'

3 Первоначально энклитическое местоимение; употребляется с основной единственного числа.

4 Также *-i* (< *-e*, особенно после основ на *-a* и отчасти на *-i*). Ср. и в хуррит. *-we* > *-e* в таких случаях, как **edi-ija-we* > *edije*, **aṣ-we* > *aṣe*.

5 При основах на *-a* > **-a*, сливающееся с тематическим гласным основы. Формы на *-(i)je* следует обычно рассматривать как сочетание падежного окончания *-e* (/ *-a* /) с энклитическим местоимением 'его' *-ija-*.

6 Без поглощения предыдущего гласного: хуррит. *ewr(i)-ne ḫawr-ne-ja* 'царь в стране'; ур. *ebani/e-a* 'в стране'.

7 С поглощением предыдущего гласного: ур. *ebana* 'в странах', *biaina* 'в стране Бианили' (*biainili* - *plurale tantum*).

8 С поглощением предыдущего гласного: хуррит. *pala* 'в качестве лжи'; ур. *guniṣa* 'в состоянии битвы (при *pali*, *gun-u-ṣe*), *b/pura aṣt-u-bi* 'в раба обратил'.

9 Заменяется показателем *-edi*, возникшим из послелoga (хуррит. *edi* 'ради').

10 *-aṣ* здесь пережиток хурритского показателя множественного числа (Ith, § 74). Форма *-aṣte* (< **-aṣ-ta*) употребляется в урартском в ограниченном числе случаев, главным образом в застывших идиоматических выражениях, чаще же заменяется показателем *-idi* (< *-edi*).

Характернейшей для хурритского чертой является "перенос падежных окончаний": падежное окончание определяемого повторяется при определении и т.п., например: *en(e)-na-(a)ṣ-uṣ atta(j)-ne-we-na-(a)ṣ-uṣ* 'боги (*ene-...-aṣ* в эргатив.пад. *-ṣ*); отца (род.

пад. attaj-...-we)'. В урартском это явление если и встречается, то лишь пережиточно [в застывшем идиоматическом выражении put-ia-di/e... ina-(a)šte³⁴ bialn(ae)-ašte 'я обратился ... к бо-

34. В урартском слово 'бог', 'боги' всегда пишется идеограммой D I N G I R, D I N G I R^{meš}, но судя по фонетическому комменту -na, во множественном числе ^dhal-di-i ku-r/ū-ni D I N G I R^{meš}-na ku-ru-ni 'Халдий силен(?), среди богов силен(?)', это слово, как и в хурритском, звучало *eni/e, *ini/e (основа мн.ч. *ena, *ina). Это обнаруживается, по-видимому, также из производных слов *ineri 'божественный', откуда ineri-ḫi/e-(ni/e), 'относящийся к божественному', ineri-še (D I N G I R -ri-še), ineri-a-še 'божественность', ina-ini/e 'принадлежащий к богам, божество': iu ḫaldi-še masi/e ineri-a-še (с детерминативом божества: ^di-ni-ri-a-še) u-št-u-ni iu ina-we (D I N G I R^{meš}-ú-e) tar'ai (!) šure-li/e zaš-u-a-li/e...

'когда Халдий собственную божественность явил, когда для богов великих вселенную (государство) он укрепил...' (I28, A 4, I-4); в перечислении жертв: ḫaldi-ni(-e) ineri-a-še G U D 2 U D U ḫaldi-ni(-e) alsui-ši-e G U D 2 U D U 'Халдиевой божественности - бык (и) 2 барана, Халдиеву величеству - бык (и) 2 барана' (27, I2 и ср. 52); aše ḫaldi-e aše ḫaldi-e ašḫ-(a)št-u-l-i/e ḫaluli/e ḫaldi-(i)na šešta ineri-ḫi/e-ni/e tini/e alu-še ḫaluli/e gu-di G U B-di at-u-l-i-je did-u-l-i/eni/e urb-u-l-i/eni/e ḫaldi-(i)na šešta K U-ni 'когда для Халдия будут устраивать праздничные жертвы в Халдиевых воротах - относящиеся к божественному [будет их] имя; тот кто жертвы справа [или] слева [т.е. по-соседству] стал бы есть, - будет ли [он] разделять(?), будет ли [он] жертвовать, - в Халдиевых воротах он должен находиться' (96, 2-4). Наконец, известная формула проклятия: tur-ini-ni/e ḫaldi-še teišeba-še šiwini-še ina-še (D I N G I R^{meš}-še) ma-ni, armuzi, zil(i)bi(je) šiwini-ni/e

гам страны Бианили¹, которое, впрочем, можно толковать и иначе³⁵.

Как для хурритского, так и для урартского характерна соотносительная частица *-ni/e* (в хурритском множественное число *-na*).

По происхождению эта частица восходит, видимо, к указательному элементу, выделяющему данное слово как единичное (а не часть неопределенной массы), а поэтому определенное. Отсюда она используется как словообразовательный элемент для образования притяжательных прилагательных (со значением "один определенный из данной категории", "...-ский") и для выражения единичности.

При имени эта частица может выражать тот факт, что на этом слове предложение не закончено и что это слово уточняется дальнейшим (или предыдущим) содержанием контекста. Так, в хурритском определение и определяемое связываются между собой путем введения после основы того и другого имени (или только определения) соотносительной частицы. Эта же частица связывает определение и перенесенный с определяемого падежный показатель³⁶. См., например: хуррит. *ḥaw(u)r-(u)ne* 'земной'; *ma-ne* 'он один, он именно'; *tiwe-na* '/отдельные/ слова'; *aḥ-ōḥ-i-kk-onne* 'жертвователь' /'тот один определенный, который устраивал жертвы (*aḥ-*) в прошлом (*-ōḥ-*) часто и помногу (*-kk-*)'/.

Далее: *nn, ew(e)r(i)-ne ḥaw(u)r-(u)n(e)-ne* 'такой-то, царь /этой/ земли' (собственно 'земной'). Здесь *-ne*, по-видимому, вы-

re(i)-ni/e mi arḥi/e uruliani mi ina-ini/e mi nara awje ul-u-l-i/e 'да уничтожит Халдий, Теишеба, Шивини /и другие/ боги его /самого/, род (?) /и/ семья /его/ из-под солнца; ни....
.., ни божество, ни человек никуда не уведут /его от этого/.

35. 'К богам бианским', рассматривая *biain(a)-aḥte* как прилагательное множественного числа.

36. При прилагательных на *-ḥe* и в некоторых других случаях частица *-ne* необязательна: *tugriṣ-ḥe ew(e)r(i)-ne* 'царь Тугриша'.

ражает тот факт, что это именно тот царь, который назван выше по имени (NN), т.е. является частицей, связывающей приложения. В случае *šu-we-ne edi-(i)ff-we* 'ради меня' (собственно 'меня -род.пад. -не-отношение-мое-род.пад.') -не связывает определение с последующим уточнением его содержания. В случае же NN, *ew(e)r(i)-ne Lullu-ne-we* повторенное -не- выражает связь определяемого с определением. См. также *mizir-re-we*³⁷ *omin(i) -ne-we allaj* 'Египта страны госпожа'; *tupre niḥar(i)-re-we ar-oṣ-aff-še-ne-we* 'список приданого, которое я дал' (*ar-oṣ-aff* 'я дал', -še — номинализирующая частица при глаголе придаточного предложения, -we — перенесенный падежный показатель); *eṣe-ne-we-ne-s allai-s* 'небес госпожа'. Здесь одно -не- связывает определяемое с определением, второе — определение с перенесенным падежным показателем.

В урартском языке частица *-ni/e* тоже существует, но ее обычно ошибочно считают за падежное окончание второго абсолютного падежа (падежа субъекта состояния и объекта действия)³⁸. Действительно, применение ее в урартском далеко не столь широкое, как в хурритском, и применяется она обычно с абсолютным падежом, но лишь в тех случаях, когда имя, стоящее в этом падеже, определено как конкретное, известное, единичное или имеет логическую связь с какой-либо иной частью предложения (например, прямо определено прилагательным). Так, *-ni/e* всегда употребляется при конкретном, известном слушателю подлежащем непереходного глагола (*ḥaldi-ni/e u-št-a-bi/e* 'Халдий выступил') и объекта (*ḥa-u-bi/e Mana-ni/e ebani/e* 'покорил страну (das Land) Мана'³⁹;

37. Здесь *-re- < -ne-* под влиянием *-r*.

38. При этом остается неясным, почему в языке могут существовать два падежа с одним и тем же значением.

39. Это выражение можно толковать и как *ḥa-u-bi/e Mana-(i)ni/e ebani/e* 'покорил Манейскую страну'.

ḥa-itu ^{URU}mešta-ni/e 'покорил (подразумевается город, die Stadt) Мешту'/; при имени, определенном отчеством или иначе /Argišti-ni/e minua-ḥi/e 'Аргшти Минуин /сын/'; Uṭupurḫi-ni/e Diaue-ḥi/e 'Утупурши диаухец'/. Частица -ni/e обычно отсутствует, если имя определено родительным падежом или указательным местоимением: ini/e pulusi/e kuḥ-itu 'эту стелу надписали'; ḥa-itu Paṛḫa-i ebani/e 'покорили Паршу страну'. Также, если речь идет о не определенном точнее общем понятии, частица -ni/e не применяется: 'aḫe lutu paṛ-u-bi/e Biaina-idi 'мужчин и женщин забрал в Бианили'; mi ina-ini/e, mi naṛa awje ul-u-l-i/e 'ни божество, ни человек никуда не уведет'; alu-ḫe niribi ḥa-u-l-i-je 'тот, кто мелкий скот захватил бы'.

Во множественном числе соотносительная частица в урартском, по-видимому, не применяется [формы типа ḥuradi-ni/e-li/e 'воины' и т.п. следует, возможно, производить от прилагательного na-(i)ni/e /].

Но, хотя эта частица употребляется, по-видимому, почти исключительно с абсолютным падежом, однако, как кажется, имеются и исключения. К таким исключениям, возможно, относятся следующие случаи: 4 ereḫi/e inani/e apti-ni/e ṣu-ini-a-[ni/e I9/ ereḫi/e iḫani/e apti-ni/e ṣu-ini-a-ni/e ^{KUR}babani-a kuruni/e ... aḫg-u-bi/e '4 царей с (-ni/e) этой (inani/e) стороны (apti) в (-a) озерной [стране] (ṣu-ini/e прилагательное от ṣue 'озеро'), I9 царей с той стороны в озерной [стране] (и) в (-a) горах могучих ... я захватил'.

Здесь конечное -ni/e в слове ṣuiniāni/e не может быть ничем иным, кроме соотносительной частицы, определяющей это прилагательное, как относящееся к опущенному слову ebani/e 'страна', так как падежное окончание к этому слову мы уже имеем в окончании -a (ṣuini-a, ср. babani-a!).

Нередко двойной показатель -(i)ni/e-ni/e нужно рассматривать либо как аблатив, либо как соотносительную частицу, присоединенные к окончанию притяжательного прилагательного: ḥa-u-bi/e

(ebani/e) Etiq-(i)ni/e-ni/e 'завоевал этивскую (страну)'; однако в таких выражениях, как inuka-ni/e esi/e-ni/e-ni/e 'с этого места', где одно -ni/e - аблатив, другое -ni/e не может быть ничем иным, кроме соотносительной частицы.

Своеобразно употребление соотносительной частицы с окончанием прилагательных на -hi/e. Здесь соотносительная частица вводится перед всеми падежными показателями, кроме абсолютного⁴⁰. Ср. особое положение этого показателя также в хурритском.

Частица -ni/e может, по-видимому, связывать имя с послелогом: ali/e para(-ni/e?) ġur(i)-je-ni/e kai-ni/e kulu-ar-(a)š -(a)-ibi/e... zaġg-u-bi/e 'людей, которые (ale) перед (собственно 'от-перед'-послелог kai с отложительным -ni/e) его (божества) оружием бежали ... я убил'.

Здесь частицу -ni/e после слова ġur(i)-je (хотя эта частица стоит и не там, где она стояла бы в хурритском), может быть, следует рассматривать как соотносительную частицу, а не как показатель аблатива: послелог kai вовсе не требует этого падежа, ср. argišti/e kai 'перед Аргишти'; так же анализируются случаи šiwini-ni/e re-ni/e 'из-под солнца', me-ši-ni/e re(i) 'под дань' наряду с minua re(i) 'под Минуей'. Соотносительная частица в других случаях, кроме тех, когда она служила формантом определенности при именах в абсолютном падеже, по-видимому, вымирала, отсюда колебания в ее употреблении при послелогax⁴¹. Впрочем, эти последние случаи неясны, и вообще вопрос о частице -ni/e нуждается в дальнейшем исследовании; для уточнения ее зна-

40. Исключение составляет текст I30,I9 (ошибка?), а также случаи с абсолютным падежом с послелогом kai: Argišti/e kai Minua-hi/e-ni/e, I27, IV,69.

41. Мне непонятно, почему Г.А.Меликишвили считает -ni/e в случаях šiwini-ni/e re-ni/e, ulg-u-š(e)-ija-ni/e edi-ni/e аблативом, а в случаях pulusi/e-ni/e kai, me-ši-ni re(i) вторым абсолютным ("именительным") падежом.

чения следовало бы учесть все случаи ее употребления, отделив ее при этом от сходных по звучанию формантов: показателя притяжательных прилагательных (таковым может оказаться -ni/e, например, в комплексе *mana-ni/e ebani/e* - 'Маннейская страна'?) и показателя аблатива.

Помимо "падежных показателей", отношения имени могут уточняться предлогами и послелогоми; число их в хурритском, по-видимому, невелико; в урартском послелогои играют важную роль /*kai*⁴² 'перед', *kai-ni/e* 'от', *re(i)* 'под', *re-ni/e* 'из-под', *edi-ni/e* 'из', 'за', 'из-за', *edi-a* 'к', *ašdu* 'для(?)' или 'подобно тому как(?)', *bedi-ni/e* 'от'; может быть, также *ašta-ni/e*, *arti-ni/e* и др./⁴³. Большинство из них требует абсолютного падежа, иногда абсолютного падежа с соотносительной частицей (или, как полагает в этих случаях Г.А.Меликишвили, аблатива); послелог *edi-a*, как это ни странно, требует формы -a-we - т.е. дательного падежа множественного числа. Имеются также предлоги *kai* 'перед', *pari/e* 'до'; последний требует то абсолютного(?), то локативного, то дательного падежей.

Все послелогои и предлоги, несомненно, именного происхождения как в хурритском, так и в урартском.

ГЛАГОЛ

Как хурритский, так и урартский глагол может быть переходным и непереходным, но не имеет активного и пассивного залогов. Наш пассивный залог выражает действие с точки зрения объекта, как субъекта наступившего состояния, и тогда субъект действия рассматривается только как орудие; но то же действие может быть выражено активным залогом с точки зрения субъекта действия, и тогда субъект состояния рассматривается только как объект. В хурритском же и урартском глаголе отражены сразу обе точки зрения,

42. Ср. хурритский предлог *ai*.

43. *ištini/e* мне представляется не послелогом, а наречием.

поэтому падеж субъекта действия (эргатив) не является инструмен-
тальным, а падеж субъекта наступившего состояния (абсолютный) -
винительным (объектным). Отношение к объекту как к таковому в
глаголе не выражено: выражается, с одной стороны, субъект состоя-
ния (который лишь с нашей точки зрения для переходного глагола
является объектом, а для непереходного остается субъектом) и, с
другой стороны, субъект действия. Поэтому в глаголе могут отра-
жаться лица обоих субъектов, но активного и пассивного залогов
не имеется.

Одна и та же основа может служить и для непереходного и для
переходного глагола, в последнем случае глагол носит характер
каузатива к непереходному.

Общая структура х у р р и т с к о г о глагола такова.

В составе глагольной формы мы находим:

1) основу,

2) модифицирующие элементы трех категорий:

- а) собственно модифицирующие элементы: -an-, -and-⁴⁴,
-ar-, -až-, -p/b-, -t/d-, -ill-, -m-, -uḡ- (-aḡ-),
-ol-, -(u)ppa-, -ugar-⁴⁴; иногда их может быть по два
и более при одной основе; возможно, они выражают направ-
ление или характер действия и т.п.⁴⁵
- б) Показатели времен⁴⁵ или видов: α) будущего (несовершен-
ного) - -ed-⁴⁷ - для переходных, -ed-t- - для непе-

44. Так по Э.Шпейзеру; по-видимому, состоит из двух элемен-
тов: -an- и -d(i)-; -ug- и -ar-.

45. Например, piš-an-d(i)- 'радоваться' (также piš-), pašš-
ar-'посылать' (также pašš-); urḡ-ub-d- 'соблюдать верность',
tupp-ub(?); t/dad-uḡ-ill-, t/dad-ug-ar 'любить' (также t/dad-);
ḡiṣ-uḡ-'притеснять', šil-aḡ(?), maṣṣ-aḡ(?), ag-ug-ar-'посы-
лать', ḡaž-ill-'слушать внимательно' и многие другие.

46. Так по Э.Шпейзеру; более вероятно, что хурритский, как и
другие древневосточные языки, не знал времен в собственном смыс-

реходных и для безличных форм и β) прошедшего (совершенного) - -oĩ- - для переходных, -oĩ-t- - для непереходных.

в) показатели -ĩt- и -ĩmbu-. Первый, возможно, указывает на экстенсивность действия(?).

3) Показатели переходности (-i-) и непереходности (-o-, -u-)⁴⁸;

4) показатели: отрицания (-wa-, -we-) и подтверждения или итеративности (-kk-);

5) показатели первой группы наклонений: пожелания или убеждения -l- и других, еще неясных, но близких по содержанию наклонений⁴⁹;

6) показатели второй группы наклонений: условия или возможности (-ewa-)⁵⁰ и косвенного приказания (пассива-герундива) (-ae-);

Показатели второй группы могут применяться как самостоятельно (и в этом случае без показателей переходности и непереходности), так и в сочетании с показателями наклонений первой группы (условно-пожелательное, -l-ewa-, косвенно-пожелательное или целевое -l-ae- и другие наклонения); следует отметить, что конкретное содержание хурритских наклонений еще слабо выяснено.

ле и речь идет о показателях видов, хотя и получающих временной оттенок.

47. Также -id-.

48. Для причастий показатель -i- выражает причастие действия переходного глагола, показатель -u/o- - причастие состояния переходного глагола, -a- - причастие непереходного глагола.

49. Шпейзер полагает, что здесь надо видеть форманты -il-, -in-, -ir- для переходных глаголов, -ol-, -on-, -or для непереходных; но -i-, -o- здесь не что иное, как указанные выше самостоятельные показатели переходности и непереходности.

50. Употребляется, например, после "кто-либо" и т.п.

7) Показатели субъекта состояния (для непереходных глаголов) и субъекта действия (для переходных глаголов).

Показатели субъекта состояния следующие:

	Единственное число ⁵¹	Множественное число
I-е лицо	-tta	-t/dilla
3-е лицо	-	-lla

Показатели субъекта действия могут относиться к одной из двух серий. Серия I употребляется в изъявительном наклонении, серия II - в императиве, а также с показателями отрицания, утверждения и итеративности и показателями нереальных наклонений первой группы. Наклонения второй группы, по-видимому, не изменяются по лицам.

Показатели субъекта действия следующие:

	Единственное число ⁵²	Множественное число
	<u>I серия</u>	
I-е лицо	-af(f) (или -av?)	I-е лицо -av-za
3-е лицо	-i(j)a ⁵³ , -a ⁵⁴	3-е лицо ?
	<u>II серия</u>	
I-е лицо	-e/i	I-е лицо ?
3-е лицо	- (или -en) ⁵⁵	3-е лицо -ido- ⁵⁶ ...(-en), -za ⁵⁷

51. Под большим сомнением показатели 2-го лица: -ra(??) для единственного числа, -re/až(??) для множественного.

52. Известны также формы 2-го лица субъекта действия единственного числа: -u/o - для I серии, -i - для II серии.

53. В повествовательной форме.

54. В будущем и прошедшем времени.

55. Показатель 3-го лица во II серии нулевой или совпадает с I-м лицом; -(e)n является, собственно, предикативной связкой, наличие которой необязательно, а иногда, по-видимому, местоименной энклитикой, выражающей 3-е лицо объекта.

За показателем субъекта действия в переходном глаголе может следовать показатель субъекта состояния (т.е. объекта действия), который совпадает с показателями субъекта состояния непереходного глагола [показатель объекта 3-го лица - нулевой или -(e)n]. Однако показатель объекта действия может и не входить в глагольную форму; он может быть вынесен вперед и присоединен к одной из именных частей предложения. В этом случае показатель 3-го лица объекта звучит -me (или -ma).

- 8) В определенных случаях глагольная форма может завершаться прономинально-предикативным элементом -n⁵⁸.

В большинстве случаев к спрягаемой форме глагола присоединяются энклитические союзы (-an, -ma, -man, -dan и т.д.)⁵⁹.

Из глагольных имен нужно отметить:

- 1) Абстрактное имя на -āē. Этот же элемент, присоединяясь к спрягаемой форме глагола-сказуемого придаточного предложения, номинализует ее и позволяет присоединить к ней "падежные" показатели (последлоги), играющие роль подчинительных союзов.

- 2) Имя действия на -um (в эргативе -umme/i).

56. Показатель -ido- занимает в цепочке формантов место показателя переходности. По Шпейзеру, показатель -ido-встречается и в непереходных глаголах, и даже в именах, выражая первоначально интенсивность в оптативных конструкциях и лишь позже множественное число.

57. В наклонениях косвенного приказания (юссиве-герундиве) и косвенного пожелания. Имеется также неясный показатель -ež.

58. Этот элемент весьма неясен. В ряде случаев можно предполагать, что -n выражает 3-е лицо субъекта состояния (объекта).

59. Ср. также союз -maman 'и в особенности', употребляемый обычно при именах и частицах.

3) Герундий на -ae. Это окончание, однако, имеет и более широкое причастное значение, а также применяется для образования прилагательных.

4) Причастия: действия на -i, состояния на -u/o, непереходное на -a.

К причастиям (и, по-видимому, в некоторых случаях к герундию) могут присоединяться различные частицы: -ē, -b/p, -d/t и др.

Причастия и другие глагольные имена образуются от основы вместе с модифицирующими ее элементами, включая показатели времени, и, по Шпейзеру, могут также принимать объектные показатели (играя также роль безличных глагольных форм?). По Гетце, формы на -i, -oē-i, -oē-i-lla и т.д. являются медиальными спрягаемыми формами глагола.

Шпейзер различает еще безличную финитную форму, в которой субъектный показатель заменяется формантом -o.

У р а р т с к и й глагол несколько проще, но обнаруживает принципиально те же группы показателей. Здесь мы находим:

1) основу,

2) модифицирующие элементы (те же, что и в хурритском)⁶⁰.

60. А именно: -an-: ked-an 'посылать', uññ-an- 'даровать', tan-an-(?).

-ar-: qabq-ar-ul-, qabq-ar-š-ul- 'осаждать', tub-ar-d- 'вручать', (?), ub-ar-d- 'повелевать(?)'; может быть an-ij-ar-d-. См. также ug-ar-.

-až-(?): qabq-až- 'осаждать', haṣṣar-(a)š- 'преодолевать', 'разрушать' и kul-u(j)ar-(a)š- 'бежать' (-r-až- > -r-š-); может быть ir-b- 'отбирать' и zir-b-.

-p/b-: -

-t/d-: 'al-d- 'подчинять', aš-d- 'предназначать', nul-d- 'овладевать(?)', sui-d- 'отодвигать', 'отражать', zel-d- 'при-теснять(?)' ter-d-(?). Кроме того, в эту же группу попадают оты-

В хурритском, как мы видели, в состав модифицирующих элементов входят также показатели времен или видов, — для непереходных глаголов и безличных переходных форм с прибавлением специального показателя *-t-*. В урартском показатель совершенного вида, по-видимому, отсутствует. В связи с этим стоит, вероятно, то обстоятельство, что простая повествовательная спрягаемая форма глагола (глагольная форма без временных показателей) имеет в хурритском значение настоящего времени, а в урартском большей частью пере-

менные глаголы, — словосложения с глаголом *d(u)-* 'делать', — типа *atqana-d-* 'делать жертву', *wedia-d-* 'оскоплять', собственно 'делать женщиной'.

-m-: *taš-m-* 'полонить'.

-oḫ-, *-aḫ-*: *nap-aḫ-* 'усмирять', 'вредить(?)'; может быть также *ip-ḫ-* 'разбивать, ломать', *tam-ḫ-* 'удалять', *-ul-ḫ-* 'приказывать', 'внушать(?)', *at-ḫ-* 'находить(?)'. Сюда ли *aš-ʾ-ul-* 'покидать' (при варианте *aš-*)? 'находить(?)'.

-ol-: *aš-ʾ-ul-* 'покидать', *mak-ul-* 'кидать', 'стрелять', *qabq-ar-ul-* 'осаждать', *sui-d-ul-* 'отодвигать', 'отражать', *ter-ul-* 'ставить (на ноги)', *tiš-ul-d-(?)*.

-ug-: *išp-uj-* 'усиливать(?)', *lak-uj-* 'портить', *-ug-ar-kul-u(j)-ar-š-* 'бежать', *šep-uj-ar-* 'портить', *arn-uj-ar-* 'приходить на помощь'.

Кроме того, *-št-* (возможно, вытеснивший сходно звучащую форму показателя совершенного вида): *ai-št-* 'прыгнуть', *am-(a)št-* 'сечь', *aḫḫ-(a)št-* 'устроить', 'упорядочить' (в ритуальном смысле), *nul-(u)št-* [или *n(u)-ul-(u)št-*] 'овладеть', *sul-(u)št-* 'пасть ниц', *šid-(i)št-* 'построить', *ul-(u)št-* 'предшествовать', *ušt-* (< *un-št-*?) 'выступать'.

Для многих из этих глаголов имеются параллельные формы без модифицирующих элементов: *tan-* 'совершать', 'завершать', *ḫarḫar-*; *kul-* 'губить', *ir-* 'изменяться', *aš-* 'оставаться', 'оставлять', *at-* 'есть', 'разорять', *ul-* 'идти', *ter-* 'ставить'.

водится как прошедшее; вообще можно думать, что в урартском нет категории времени. Что касается показателя несовершенного вида -ed-, -ed-t-, то он в урартском существует, но имеет только одну форму -i/ed- (после r, согласно общему правилу, > -a-), так как удвоения согласных в урартском не допускается⁶¹.

Показатель -ēt-, указывающий на экстенсивное действие (?) имеется и в урартском⁶²; может быть, именно он вытеснил показатель совершенного вида, если он существовал в урартском.

3) После основы (и модифицирующих элементов, если они есть) в урартском, как и в хурритском, помещается показатель переходности (-u-, -i-) и непереходности (в большинстве глаголов -a-, как в хурритском непереходном причастии, но при глаголе man- 'быть' сохраняется форма -u, читается [o/], а также показатель непереходного глагола с косвенным объектом (-ia-, -i'a-?).

Как и в хурритском, в урартском эти показатели употребляются не со всеми глагольными формами. В хурритском, как мы видели, они употребляются с отрицательным, утвердительно-итеративным показателем и с показателем наклонений первой группы, т.е. в большинстве форм II серии, а также в причастиях; в прошедшем и будущем времени их заменяет специальный показатель непереходности -t-.

61. Например: D U B ^{te}... ali/e ir-u-l-ie, luruq-u-l-ie, šuḡi/e batq-i/ed-u-li/e-ni/e (I00, 3-7) 'надпись... которая изменится, разрушится... заново пусть реставрируют'; É mure -li/e ali/e LU A D-še [za]d-u-a-li/e, awje kui kulmi/e man-id-u (I55, 27-28) 'тайники, которые отец (и) дед [его] сделали, где ... богатство бывало'; nire-id-u-li/e-ni/e 'пусть приносят' (о жертвах); aše pili/e nik-id-u-li/e 'когда канал будет разливаться'.

62. См. стр. 398, прим. 60.

Из-за отсутствия времен в урартском показатели -и- и -а- (-о-) употребляются и в повествовательных формах I серии.

4) Отрицательный показатель -wa-, по-видимому, как и показатель итеративности -kk-, в урартском отсутствует⁶³.

5) - 6) Показатели наклонения первой и второй группы; они в урартском отделяются не столь четко, как в хурритском. К ним относятся показатели: -l- пожелательного наклонения и условного будущего из первой группы, а также форманты -i/e(j)a- для наклонения намерения, -a(i)- для наклонения долженствования из второй. Имеются и сочетания показателей обеих групп, как и в хурритском: -l-i/e(j)a- // -l-i/e(j)e выражает наклонение допущения, -l-a- (следуя за показателем переходности -i- вместо -u-) - наклонение цели (герундивное). Имеется также наклонение возможности (-ala-) и некоторые неразъясненные формы. Наклонения в урартском языке и их сравнение с хурритским - один из наиболее слож-

63. См. прим. 75 и 81.

64. В глаголе "бнть": man-u 'он был'.

65. В остальных глаголах. Г.А. Меликишвили (УКН, стр. 275 и сл.) выделяет еще категорию непереходных глаголов с показателем -i-: *suluštibi* 'пал ниц', *aištibi* 'прыгнул', *kuluaršibi* 'бежал', допуская, что это вариант косвенно-объектных глаголов с показателем -ia-, причем в форме *uluštaibi* он видит метатезу из **uluš-tiabi* (и отсюда более обычная форма *uluštibi*). Нам такая метатеза представляется маловероятной и форма *uluštaibi* кажется первоначальной. Эта форма, с нашей точки зрения, анализируется как *ul-ušt-a-ibi* и аналогично **sul-ušt-a-ibi*, **ai-št-a-ibi*, **kul-uar-š-a-ibi* > *suluštibi*, *aištibi*, *kuluaršibi* наряду с *uluštibi* и т.п.

Поэтому показателем 3-го лица субъекта в непереходном глаголе мы считали бы не -bi, а -(i)bi. Происхождение этого показателя неясно.

ных сравнительно-грамматических вопросов, и на нем мы остановимся ниже отдельно.

7) Показатели лица субъекта состояния; в урартском непереходном глаголе они почти совпадают с хурритскими:

Единственное число	Множественное число
I-е лицо -di (читается [-de])	?
3-е лицо - 64	-li (читается [-le])
-(i)bi ⁶⁵	

Сложнее обстоит дело с личными показателями в переходном глаголе. В хурритском объектные показатели отделимы; в урартском они составляют вместе с субъектными один неразделимый субъектно-объектный комплекс.

Сложность еще усугубляется тем, что, хотя разделение на I и II серию субъектных показателей сохраняется (в частности, императив образуется совершенно так же, как в хурритском), но ряд форм перешел из серии II в серию I, а частица -en вошла окончательно в систему личных показателей, играя роль объектного показателя⁶⁶.

Соотношение между хурритским и урартским можно представить в виде таблицы, причем, кроме хурритских и графически засвидетельствованных урартских форм, в нем приведены и этимологически реконструируемые исходные для урартского формы (см. таблицы 3 и 4).

66. Однако безобъектной формы для 3-го лица единственного числа субъекта действия нет, поэтому *ḥa-u-ni/e* означает не только 'он завоевал его', но и 'он завоевал'. В формах II серии *-ni/e* [как и хуррит. *-(e)n*] в ряде случаев является, однако, как надо думать, не всегда объектным, но в ряде случаев субъектным показателем.

I серия личных показателей

	Хурритские формы			Реконструируемая этимология урартских форм			Урартские формы		
	без объекта	его	их	без объекта	его	их	без объекта	его	их
Я	-af(f) (-av?)*		-af-lla (-av-lla?)	-vθ		-(v)le**	-bi/e	объектной частицы нет	-li/e -v-li/e
ОН	-ja * -a		-a-lla	-	-(e)-nθ	-a-le	***	-ni/e	-a-li/e
ИМ	-ai-za* (-av-za?)		-af-za-lla (-av-za-lla?)	-v-θθ		-v-θa-le	-θe	?	?
ОНИ	?		?	-ito-***	-ito-...-(e)n	-ito-le	-itu	-itu-ni/e	-itu-li/e

*Объектного показателя нет, но применяется прономинально-предикативная частица -n.

**Существование этой формы, установленной нами теоретически, подтверждается текстами: U R U ʕaṣi/e iṣṣini ʕat-u-v-li/e (ʕa-tu-u-a-li, 28I, I3) 'селения заново здесь я заселил (дослов-

но: 'взял', - ср. аккад. *šlāni ana eššūti ašbat* с тем же значением). В параллельном контексте 276, об.2 читаем: *u r u^{meš} iš-ti-ni šā-tū-ū-li*. Другой пример: *É.G A L^{meš} šid-u-v-li/e* (*šī-du-ū-ū-li*) *šure-li/e* (*KUR šu-ri-/e-/li-i*) *išp-uj-u-bi/e* *ašur-ini guradi-ni/e(?) ebani/e-uki/e ašdu* 'крепости построил-я-их, государство усилил ассирийскими воинами, как [людьми] моей страны'. Следует также отметить обилие полногласных написаний для форм I-го лица субъекта действия переходного глагола типа *šī-du-ū-bi* = *šid-u-ve*, *šā-tū-ū-li* = *šat-u-v-le*.

*** Безобъектная форма сама по себе не встречается. С прямым объектом I-го лица единственного числа ожидалась бы форма типа **ša-u-di*. Такие формы действительно имеются */ulḥudi*, 158,28; *audi* (?) 268,24; 30I,3/, но значение их сомнительно, и нет полной уверенности в том, что это именно 3-е лицо субъекта действия переходного глагола с объектом I-го лица единственного числа.

В переходном и косвенно-объектном непереходном глаголе отражается также I-е лицо единственного числа косвенного объекта: *ar-u-me* 'дала мне', *haš-ia-l(e)-me* 'прислушались ко мне'.

*** Форма перешла из I серии.

Таблица 4

II серия личных показателей*

	Хурритские формы	Урартские формы		
		без объекта	его	их
я	-i/e ** -	-i/e	-i/eni/e*** -ni/e***	-(i/e-)li/e -li/e**
он	(-en)***	-i/eni/e	-i/eni/e-ni/e	?
они	-id(o).....(-en)	-ti/eni/e	-ti/eni/e-ni/e	?

* Форма I-го лица множественного числа не засвидетельствована.

~~ЖЖ~~ В условном наклонении на **-ewa**, в косвенно-приказательном на **-ae** и в производных от них личный показатель I-го лица нулевой.

~~ЖЖЖ~~ **-en** (ур. **-ni/e**), вероятно, для переходного глагола - объектный показатель, для непереходного - прономинально-предикативная частица.

Перейдем теперь к анализу урартских наклонений в сравнении с хурритскими.

Показатели наклонений в урартском еще мало изучены. Можно сказать с уверенностью, что в урартском нет соответствий хурритским показателям наклонений **-n-**, **-r-**, показателя утверждения-итеративности (**-kk-**) и, по-видимому, показателя отрицания (**-va-**).

Что касается других наклонений, то, как мы помним, в хурритском (для 3-го лица) имеются следующие формы:

	<u>Единственное число</u>	<u>Множественное число</u>
Пожелания	-i-l-e(-en) ⁶⁷	-ido-l(-en)
Допущения или условного пожелания	-i-l-ewa(-en) ⁶⁷	-ido-l-ewa(en)
Условия	-ewa(-en)	-id(o)-ewa(-en)
Долженствования	-ae(-en)	-a(e)-za
Косвенного приказа	-i-l-ae(-en) ⁶⁷	-i-l-a(e)-za ⁶⁷
Императив	-e(-en)	-id(o)-en

Принимая во внимание фонетические изменения, мы ожидали бы в урартском, соответственно этому, следующие формы (для 3-го лица):

	<u>Единственное число</u>	<u>Множественное число</u>
Пожелания	*-u/i-l-e(-ni/e)	*-itu-l-e(-ni/e)
Допущения или условного пожелания	*-u/i-l-eje, *-u/i-l-eja-ni/e	*-itu-l-eja(-ni/e)

67. Для непереходного глагола **-o-l(-en)**, **-o-l-ewa(-en)**, **-o-l-ae(-en)**, **-o-l-ae(-za)**.

Условия	*-ea, *-eja, *-eja(-ni/e)	*-it(u)-e(j)a(-ni/e)
Долженствовани- ния	*-ae, *-aje, *-a(e-ni/e)	*-a(e)-še
Косвенного приказания	*-u/i-l-a(e-ni/e)	*-u/i-l-a(e)-še
Императив	*-e(-ni/e)	*-itu, *-itu(-i/e) *-it(u)-(e)ni/e

Почти все эти формы мы и находим в действительности.

В различных урартских текстах засвидетельствованы следующие формы глагола в различных нереальных наклонениях (в 3-м лице)⁶⁸:

-uli/e, -uli/eni/e, -uli/eje, -uli/ejali/e, -i'ali/e,
-ujali/e, -(u)jani/e, -(id-)ijani/e, -alani/e, -(ul-)ani/e,
-(id-)ilani/e, -ilani/eni/e, -ilati/eni/e, -ili/eni/e,
-ti/enani/e, -ini/e, -ini/eni/e, -iti/eni/e, -(u)ti/eni/eni/e.

К сожалению, большинство этих форм встречается в единичных случаях и в недостаточно ясных контекстах, поэтому по значению определяется лишь часть из них.

Форма -uli/e обычно рассматривается как будущее время, а форма -uli/eni/e рассматривается А.Гётце и Г.А.Меликишвили как повелительное наклонение страдательного залога. Это было бы неожиданно, но толкование этих авторов небесспорно. Основное и первоначальное значение обеих форм - пожелательное, причем форма -uli/eni/e употребляется при отсутствии определенно выраженного субъекта действия (безлично): ter-u-ni/e ardi-še: (такую-то жертву) ḥaldi-e nips-i/ed-u-l-i/e-ni/e 'установил приказ(?): такую-то жертву Халдию пусть принесут' [досл.: 'пусть некто, кто либо (нем. man), принесет-ее']; D U B^{te}... šuḥi/e batq-i/ed-u-l-i/e-ni/e 'надпись... заново пусть [кто-то] реставрирует'; aše niqa-li/e šid-u-li/e tan-u-l-i/e-ni/e (aini) urbu-a-se ḥaldina šešta 'когда создадутся⁶⁹ niqale, пусть совершат

⁶⁸ Во 2-м лице известен императив, образуемый в точности так же, как в хурритском (по типу r-i/e).

[/что-либо/ в жертву в Хаддиевых воротах'; ulh-u-di/e melitea-ni/e qabq-ar-u-l-i/e-ni/e 'приказал мне (??) (бог?): 'Мелитеа пусть будет осаждена' (или: 'пусть ты осадить ее').

Такой же пожелательный оттенок имеет форма ul-u-l-i/e в известном проклятии: mi inaini/e, mi nara awje ululi/e 'ни божество, ни человек никуда [пусть] не уведут'.

Однако в урартском форма -uli/e, -uli/eni/e имеет и более широкое значение, кроме простого пожелания. Она играет роль своего рода будущего времени, особенно с аѣ 'когда'⁶⁹: аѣ haldi-je аѣ-(а)st-u-l-i/e haluli/e 'когда Халдию будут устраивать праздники'; аѣ uldi/e tan-u-l-i/e 'когда виноград поспеет' (букв.: 'сделается'); аѣ pili/e nik-i/ed-u-l-i/e 'когда канал будет разливаться'.

Здесь нужно отметить следующее: 1) известные нам формы на -u-l-i/e, по-видимому, все относятся к предложениям остояния, т.е. к непереходному глаголу, даже при основах, которые обычно употребляются в переходном смысле⁷⁰, 2) будущее время, выражаемое ими, часто носит характер известной нереальности (состояние может наступить, а может и не наступить): D U B^{te}... ali/e ir-u-l-i/e, luruq-u-l-i/e - šuḫi/e batq-i/ed-u-l-i/e-ni/e 'надпись, которая изменилась бы, разрушилась бы, заново пусть исправят [ее]'.

Поэтому будущее время может быть, по-видимому, выражено и простой повествовательной формой изъявительного наклонения: in(i/e)-a-še mi tini/e mi armuzi/e mi zil(i)bi/e qi/ewra-idi kul-etu-ni/e⁷¹ 'боги ни имени, ни рода(?), ни се-

69. Аѣ в отличие от iu означает 'когда' в отношении события, которое наступит или может наступить в будущем.

70. Поэтому -u- здесь, в ряде случаев, возможно, надо читать как показатель непереходности -o-.

71. kul-etu-ni/e = kul-itu-ni/e. Можно было бы, однако, предполагать здесь форму, заменившую ожидаемое от *kul-u-li/e

мени на земле не оставят'; alu-še ḫaluli/e gu-(i)di G Ū B-(i)di at-u-l-i-je, did-u-l-i/e-ni/e urb-u-l-i/e-ni/e Ḥald(i)=in(i/e)-a šešt-a K Ū-ni/e 'если кто праздничные жертвы справа /и/ слева (т.е. 'по-соседству') стал бы есть, - пусть он разделяет(?), пусть он жертвует (т.е. 'разделяет(?) ли он, жертвует ли он'), - в Халдиевых воротах он будет находиться'⁷². Ср. также в "мусасирском" варианте надписи Мехер-капусы (УКН, 27, 9I-93) urb-u-a-li/e 'он(кто-либо, нем. man) принесет их в жертву' параллельно nipsidi'ali/e в строке 3 и 35.

Формы на -uli/e, -uli/eni/e соответствуют хурритским формам на -i-l-i/e(-en) и, вероятно, -o-l-i/e(-en) для непереходных глаголов.

Форму -ulije (с объектом 3-го лица множественного числа -uli(j)ali/e) обычно смешивают с формой -uli/e. Однако, по-видимому, здесь два разных наклонения. Форма -uli/e графически передается -Ru⁷³-li, -Ru-li-e, реже -Ru-ú-li, но никогда не *Ru-li-i-e. Форма -ulije графически передается -Ru-li-e, -Ru-li-i-e (реже с полногласным написанием u) и лишь в редчайших случаях -Ru-li.

Употребление формы -uli/e(j)e ограничено в известных нам текстах предложениями, вводимыми alu-še 'тот, кто'. Значение формы —

множественное число *kul-itu-li/e, где -li/e по аналогии было отнесено к 3-му лицу множественного числа объекта и при объекте единственного числа заменено на -ni/e. Или же от *kul-u-l-i/e по аналогии с I серией образовалось множественное число *kul-u-li/e-(i)tu-(-ni/e) откуда kul-etu(-ni/e) в результате стяжения. Для решения подобных вопросов материал слишком ограничен.

72. K Ū-ni/e может, впрочем, быть и формой наклонения долженствования с окончанием -ani/e т.е. 'он должен будет находиться'.

73. Ru в нашей передаче означает слоговой знак с любым согласным.

допущение возможности, условное предположение: alu-še ini/e D U B^{te} tulie [^{te}tur(-u)-l-eje], alu-še pit-u-l-ie, alu-še esi/e-ni/e suj-i/ed-u-le (sic!), alu-še qi/ewra mer-u-l-ije, alu-še A^{meš} huš-u-l-ie, alu-še uli/e-še ti-u-l-ie "ješe z/sad-u-bi/e", alu-še tini/e-ni/e tulie masi/e tini/e teli/ej [^{te}ter(-u)-l-eje; написание te-li-i вместо ^{te}te-li-i-e вероятно, гаглология под влиянием следующего e-a-i/], e'i biaini/e-še, e'i lulu-ini/e-še... 'тот, кто эту надпись уничтожил бы, тот, кто разбил бы, тот, кто с места сдвинул бы, тот, кто в земле бы зарыл, в воду бы бросил, тот, кто имя [это] бы уничтожил, [я] свое имя поставил бы, - и уарт, и чужак...'

Конечный гласный в этой форме редуцированный. Какой именно здесь был гласный, выясняется при присоединении показателя объекта 3-го лица множественного числа: alu-še paḡani/e-li/e ištini/e-ni/e ši-u-l-i/ea-li/e, alu-še ḡuliali/e⁷⁴, alu-še niribi/e ištini/e-ni/e ḡa-u-l-i/eje 'тот, кто коров отсюда увел бы (-их), тот, кто похитил бы их, тот, кто мелкий скот отсюда похитил бы...". Таким образом, форма -uli/eje, -uli/eja- точно соответствует хурритскому наклонению допущения или условного пожелания -i-l-ewa-.

Группа окончаний -(u)iani, -(i/e)d-iani/e, -ul-ani/e и некоторые другие должны, по-видимому, рассматриваться вместе. Они выражают долженствование или возможность; в нескольких случаях окончания встречаются с запретительной частицей mi, но это не обязательно должно означать, что здесь перед нами особое запретительное наклонение⁷⁵, как полагает Г.А.Меликишвили, так как с частицей mi мы встречаем и форму множественного числа kuletun-i/e, которую трудно отнести к одному и тому же спряжению с формой единственного числа kuldiani/e. Примеры:

74. ḡuliali/e = ḡoliale < ^ḡḡa-u-l-i/eja-li/e.

75. Т.е., что -ia- хуррит. -i-wa-. В этом случае, например, kuldiani/e было бы ^{kul}kul-(e)d-i-wa-(e)n.

ini/e É.G A L mi kul(u)-d-ia-ni/e, mi šep-uja(r-ia)-ni/e 'Эту крепость он не должен [вознамериться] оставлять, не должен портить(?)'; mi jei in-a-ni/e arniu-ši-n-a-ni/e lak-uja-ni/e⁷⁶ 'чем-либо этим сооружениям он не должен /вознамериться/ вредить'; mi ašei piurtani/e ħa-id-ia-ni/e teri-ħi/e-ni/e Sardur(i)-ini/e tini/e Sardur(i)-ine-i udule-i 'никогда... не должен [вознамериться] отнимать сардуриева имени, установленного (teriħeni/e) для сардуриева виноградника'; Tata-še ...M Í N.T U R ... ir-b-u-ni/e uj ... ar-ia-ni/e 'Тата ... девушку захватил [и] ... не хочет отдавать' (неизданная табличка из Кармир-блур).

Ср. также: U R U ... ali/e uje aiše ainei qabq-ar-(a)š-ul-alani/e, ar-u-ni/e ħaldi-še minua(-i)... ħa-u-bi/e 'город... который никогда никто не мог осадить, отдал Халдий Минуе ... [и] я его завоевал'; É šure-li/e ... ali/e uj aišei erel-a-še ħai-alani/e... ješe 100 É šure ħa-u-bi/e 'Тайники(?)... которые никогда цари не могли завоевать... я 100 [этих] тайников(?) завоевал'; mi ali/e ebana šeri/e-du(i)tu, iu É.G A L^{meš} aš'ulani/e 'кроме того, что отделили в странах, когда он должен был оставить крепости'; inani/e ereli-e nun-a-bi/e; mi ali/e LÚ.A.S I^{meš}-še par-(i)tu, šeri/e par-(i)tu, iu ebani/e aš'ulabi/e 'это [то], что пришло царю, кроме того, [то], что захватили войны, они отдельно захватили, когда я должен был оставить страну'.

Biħura-ni/e asuni-ni/e KUR^{Bamni}/e ħarħaru murumuriaħi/e-ni/e nani⁷⁷ pari d U T U, ješe KUR^{Bamni}/e ħarħar-š-a-bi/e. ješe Biħura-ni/e ħa-u-bi/e 'От области Бихуры гора Бамни до солнца, я же гору Бамни должен был (смог?) преодолеть⁷⁹(?), я Бихуру завоевал' (I27,VI,20).

76. Из *lak-uja(r-a-)-ni/e, *lak-uja(r-ia)-ni/e?

77. Разделение на слова здесь сомнительно.

78. ħarħar-š-, по-видимому, как аккад. nabalkūtu, означает не только 'разрушать', но и 'преодолевать'.

Г.А.Меликишвили рассматривает формы на *-ani, -(u)ani* как формы несовершенного вида, а форму *-alani* - как форму сослагательного наклонения прошедшего времени. Последнее предположение во всяком случае неприемлемо, так как глагол придаточного предложения, в том числе и после союзов *ali/e* и *iu*, очень часто стоит в урартском языке в простой повествовательной форме изъявительного наклонения, например: *mi ali/e LU A.S I^{meš}-še par-(i)tu; ali/e me-še ter-u-bi/e* 'Вот дань, которую я установил'; *ali/e-mi/e ḫaldi-še ar-u-ni/e* 'которого Халдий мне дал'; *iu biḫura-ni/e qabq-ar-ul-u-bi/e* 'когда я осадил Бихуру'; *iu aldi-kai ardini/e-di nun-a-bi/e* 'когда он пришел пред Халдия к Мусасиру' и т.д. По-видимому, сослагательно-го наклонения в урартском не было.

Как видно из предложенных нами выше переводов, вряд ли есть основание и для того, чтобы переводить формы *-abi/e, -ani/e* как несовершенный вид; в частности (хотя этот контекст малопонятен), несомненно, что в примере I27,VI,20 (*ḫarḫar-š-a-bi/e*) несовершенный вид не подходит.

Нам кажется, что во всех приведенных случаях следует видеть формы наклонения долженствования (*-a-ni/e*⁷⁹, *-a-bi/e*), возможности (*-al-a-ni/e*) и намерения (*-ia-ni/e*).

Весьма загадочными кажутся формы на *-(u)jali/e: ali/e-li/e ereḫli/e-li/e arnujali/e diau-ḫi/e-ni/e... ḫa-u-bi/e* 'царей, которые пришли на помощь диаухцу... я завоевал'; в одном случае такая форма стоит вместо ожидаемой формы на *-uli/eje: alu-še jei inani/e I N I M^{meš}-ni/e šeruḫalie alu-še ini/e D U B^{te} tuleje* 'тот, кто в чем-либо эти дела испортил бы, тот, кто надпись уничтожил бы...'

Загадка, однако, разрешается при сравнении другой формы того же глагола, что и в первом из этих двух примеров: *ini/e É.G A L*

79. *-ul-* в *aš^u-ul-a-ni/e* - модифицирующий основу элемент, *-i/ed-* в ряде форм - показатель несовершенного вида.

...mi šer-uja(r-u)-d-ia-ni/e 'эту крепость ... он не должен портить (?)'. Мы имеем здесь дело с модифицирующим элементом -uja(r-u)-, соответствующим хуррит. -uga(r-u)-; поскольку гласный после -r-, по общему правилу, выпадает с ассимиляцией -r- последующему -l-, то наш пример анализируется следующим образом: alu-še jei inani/e I N I m^{meš}-ni/e šer-uja(r-u)-l-ie alu-še ini/e D U B^{te} tu(r-u)-l-ie... Точно так же и во втором примере: arn-uja(r-a)-li/e, где -li/e - обычный показатель субъекта переходного глагола.

В формах -a-ni/e, -a-bi/e мы видим соответствие хурритским герундивным формам на -ae, -a(e)-(e)n. Следует отметить, что это наклонение, по-видимому, принимает в урартском личные субъектные показатели I серии. В хурритском форма на -ae практически не меняется по лицам; вероятно, поэтому в урартском она вторично приняла личные показатели I серии по аналогии⁸⁰.

Форму на -iani/e (и -i³ali/e?) мы рассматриваем как соответствие хурритским формам наклонения условия или намерения -ewa⁸¹, однако с изменившимся значением (условное долженствование, намерение). Показатель -li/e здесь мог бы быть объектным. Может быть с этим же формантом связан и урартский показатель косвенно-объектных переходных глаголов -ia-.

Форма -i³ali/e засвидетельствована только в одном контексте надписи Мехер-капусы (УКН, 27, 3 и 35): ter-u-ni/e ardi-še... 6 U D U. m á š. t U R ḫaldi-e nips-i/ed-i³a-li/e 'он установил приказ (?)...: 6 козлят Халдию должны приносить(?) в жерт-

80. Иначе говоря возможно, аналогия возникла лишь для 1-го лица -bi/e под влиянием совпадающего для урартского в I и II серии окончания -ni/e в 3-м лице.

81. Или, если видеть здесь вслед за Г.А. Меликишивили запретительное наклонение, то следует рассматривать это -ia- как соответствие хурритскому показателю -wa- после показателя переходности -i-.

бу'. Г.А.Меликишвили считает эту форму 3-м лицом множественного числа пассива оптативного наклонения, связывая ее с формантами -ilani, -ilatini. Это кажется нам маловероятным. Как мы уже указывали, -i'ali/e параллельно форме -uali/e. Можно было бы видеть здесь непереходный косвенно-объектный глагол в изъявительном наклонении с показателем -ia- и с показателем 3-го лица множественного числа субъекта состояния -li/e ('б козлят Халдию будут приноситься в жертву'). Как мы знаем, простая повествовательная форма, по-видимому, может передавать содержание будущего времени; с другой стороны, -i'ali/e может быть формой упомянутого наклонения намерения, хотя это хуже подходит к контексту.

Изолированная форма на -alani/e не поддается объяснению. Возможно, что это урартское новообразование.

Следующую группу форм, связанных с наклонениями, представляют формы -ilani/e, -ilani/eni/e, -ilatini/e. Они выражают наклонение цели: ali/e me-še... diau-ḫi/e-ni/e-(e)di ter-u-bi/e м U.M U-ni/e ar-(i/e)d-ilani/e 'вот дань... которую на диаухца я наложил, ежегодно чтобы он приносил'. Ср. также: Minua-še ... ini/e É barzu-di bid-u-ni/e z/sad-u-ni/e "Minua-i É barzu-di bid-u-ni/e" tini/e... man-ini/e iṣti/ni Mi/nua ardi-še: ali/e ḫaldin/a-we(?) ḫu/radi-e т А G-e... ṣui-ni/e-ni/e barz-ani zel/di/e Mi/nua ḫaldi-še us-u-ni/e ina-še zeldi/e iṣtini-ni/e erela-we (или ereli/e-li/e) us-1/ed-1-l-a-tini/e isi ibira-ni/e Minua-ini/e barzu-di bid-u aḫn-u-li/e-ni/e 'Минуа этот дом возвращенного к свободе (?) сделал, "Минуи дом возвращенного к свободе" имя [его] ... да будет здесь Минуи приказ (?): жертвы, которые халдиеву воинству... должен освободить (?); (как) угнетение (?) для Минуи Халдий устранил (?), (так) боги угнетение отсюда [отныне] царям чтобы устраняли, навсегда (?) [праздник] минуиною возвращения к свободе (?) пусть устраивают [в порядке ритуального праздника]'.

Перевод этого отрывка более чем сомнителен, и отдельные слова переведены здесь совершенно условно — только для того, чтобы дать понятие о грамматической конструкции.

Прочие контексты еще более неясны, но, по-видимому, как и считает Г.А.Меликишвили, *-ilani/eni/e* та же форма *-ilani/e* с объектом *-ni/e*.

В свете изложенного эти формы легко анализируются: первая из них соответствует хурритским формам косвенно-пожелательного или целевого наклонения *-i-l-a(e)(-en)*. Неясно, почему в данном случае сохранился хурритский показатель переходности *-i-* вместо обычного урартского *-u-*. Быть может, это связано со стремлением избежать смешения с какой-либо другой глагольной формой.

Множественное число от этой формы в хурритском образуется на *-za*. В урартском, видимо, произошла замена по аналогии с другими формами II серии. Поэтому, хотя *-ito-* здесь и не на месте, форму *-ilati/eni/e*, если это действительно множественное число, нужно анализировать как **-i-l-a(e-i)t(o)-en*.

Изолированные формы *qabqarilin/e*, *mušitinanin/e* не поддаются пока объяснениям.

Императив в урартском, как и в хурритском, имеет формант *-i/e* во 2-м лице, *-ini/e* (хуррит. *-en*) в 3-м лице единственного числа: *alu-še ti-u-l-i/eje: uli/e*, *turi/e* 'тот, кто сказал бы: "Пойди, уничтожь"'; *inani/e su(w)e Rusa-ḫi/e-n-a-we ḫuri/e-š(e)-ḫi/e man-ini/e* 'это озеро для Русахинили поящим (?) да будет'; *ini/e puluwi/e Argisti-še... kuj-u-ni/e, ulg-u-š(e)-i-ja-ni/e edi-ni/e man-ini/e* 'эту стелу Аргишти написал, за жизнь его (она) да будет'.

3-е лицо единственного числа императива переходного глагола получает двойное окончание: *-ini/e-ni/e*, где второе *-ni/e*, вероятно, объектное⁸²: *alu-še ḫa-u-l-ie... ar-ini/e-ni/e* 1

82. *-u-* между основой *tur-* и окончанием имеет здесь фонетическое происхождение. Подобные вставные гласные появляются иног-

wid-u-še S U.P A 'тот, кто захватил бы, (тот)... да даст одно ...'; alu-še ha-u-l-ie tur-ini/e-ni/e ḥaldi-še и т.д. 'тот, кто похитил бы - да уничтожит его Халдий' и т.д. Наличие одновременно объектного показателя в глаголе и выраженного именем объекта в предложении - обычное явление в урартском.

Множественное число 3-го лица императива имеет формант -iti/eni/e или, с объектным показателем, -iti/eni/e-ni/e: aše sali/e meš-u-l-ie kamni/e-ni/e zana-ni/e-ni/e ḥa-iti/eni/e ḥaldina šesta aḥḥ-(a)št-iti/eni/e 'когда sale принесет плоды (?), да заберут kamni из zana-(i)ni/e, в Халдиевых воротах да устроят (?)'; in(i/e)-a-še turu-(i)ti/eni/e-ni/e⁸³ ma-ni/e e'i zilibi/e qewra-ni/e edi-ni/e 'боги да уничтожат его и потомство с земли'.

Таким образом, мы находим в урартском (кроме неясных) следующие формы наклонения:

	<u>Единственное число</u>	<u>Множественное число</u>
Пожелательное или условное будущее	-u-l-i/e(-ni/e)	(как в единственном)
Наклонение допущения	-u-l-i/eje	
С объектом 3-го лица множественного числа	-u-l-i/eja-li/e	тоже
Наклонение намерения	-ia-ni/e	тоже
Наклонение долженствования	-a-ni/e	тоже
Наклонение возможности	-alani/e	тоже

да после -r- и -l-, например: ʾaldubi/e > ʾaladubi/e, alsuini/e > alasuini/e, kul(e)diani > kuludiani/e. Согласно общему правилу для основ на -r ожидалась бы форма *tur-ti/eni/e-ni/e.

83. Г.А.Меликишвили, напротив, принимает -inini за показатель 3-го лица единственного числа императива, а форму manini рассматривает как результат стяжения.

Наклонение цели (герундивное)	-i-l-a-ni/e(-ni/e)	-i-l-a-t-i/eni/e
Императив (2-е лицо)	-i/e	
(3-е лицо)	-ini/e(-ni/e)	-it-ini/e(-ni/e)

Из глагольных форм в урартском сходны с хурритским причастия на -i (переходный глагол) и -u (= [u]) - (непереходный глагол)⁸⁴; как обычно в подобных случаях, это, собственно, наиболее общая первоначальная форма глагольного имени; от него образуется герундив-инфинитив путем присоединения направительного послелого -(e)ai⁸⁵.

Имена абстрактные образуются на -še⁸⁶, но к образованию придаточных предложений этот формант в урартском отношении не име-

84. Ср. Ср. I9,24: [niri]bi/e [e]guruḫi ḫa-i-ni/e ḫa-u-[li/e?] 'мелкий скот свободный - уносящий пусть уносит', аккад. bibu ki raḫri na/šā na/š; также z/sad-i(-ni/e) в I43,8; inuka-ni/e edi-ni/e azibi/e ḫarari/e aṭu; что aṭu здесь причастие видно из параллельного текста I27, I,2: ini/e edi-ni/e azibi/e ina/ini/e tera/[je]'вследствие этого благополучие божественное было установлено'. См. также agun-u-ni/e man-u 'укрепленным был'. В подобных оборотах соотносительная частица -ni/e может присоединяться и к связке man-u: mi arsi/e ba-u-še bedi/e man-u-ni/e (268,23; 276 об., IO,I7), ср. ali/e tašm-u-še bedi/e man-u bed-u-ni/e 'полбн, который вернувшимся [ко мне] был, я вернул [ему]'. Эти формы нередко дают наречия, например: bedi/e 'опять', I28, A 2, II; I69,7 и др.

85. Ср. формы aredi/e 'чтобы давать', ḫaidi 'чтобы унести', nap-aḫ-(i)ja-idi 'чтобы усмирить его'.

86. Обычно с сохранением показателя переходности: izi-d-u-še 'повеление(?)', piš-u-še 'ликование', gun-u-še 'сражение', 'война', ulg-u-še 'жизнь', ba-u-še 'дело', 'слово'; по-видимому, эта форма характерна вообще для отглагольных образований с -še, независимо от переходности глагола. Может быть, здесь под -u-

ет. Как уже сказано, глагол придаточного предложения в урартском не имел, по-видимому, никакого специального оформления.

Имеют ли имена прилагательные на -ае характер глагольных имен, не вполне ясно⁸⁷.

Существуют также специфически урартские причастия совершенно-го вида (или стативно-результативные формы) на -uri (переходный глагол) и -auri (непереходный глагол)⁸⁸.

МЕСТОИМЕНИЕ

Самостоятельные личные местоимения нам плохо известны в урартском, несколько лучше в хурритском.

Единственное число

	<u>Хурритские</u>	<u>Урартские</u>
I-е лицо эрг.пад.	iṣa-š (< jīṣa-š?)	ješe [< *ješ(e)-še/]
абс.пад.	ište(-n)	ješe
род.пад.	šu-we	?
дат.пад.	šu-wa	šuki/e (??) ⁸⁹

скрывается как [-u-], так и [-o-]. Сюда же отнести и zaše 'сила' < *zaš-u-še. Показатель -а- встречается много реже, например, ušm-a-še 'могущество(?)'.

Абстрактные имена могут образовываться и от имен: alsui-še 'величие' при alsui(-ni/e) 'великий', šuri-š-ḫi/e 'оружейный' от *šuri-še при šuri/e 'оружие'; сюда же, вероятно, относится išp-uj-še 'крепость', 'сила(?)' и ardi-še 'приказание(?)'.

Форма на -še может обозначать и коллектив: tašm-u-še 'пленные', ar-še 'юноши(?)', awer-a-še 'полководцы(?)'. Имеется образованное от формы на -še наречие bidujaše 'на обратном пути' < *bid-uj-a(r-u)-še.

87. Это вероятно в отношении формы tera(j)e 'установленный'.

88. О них подробно см. A.Götze, WNA, 24, p.266 sq.

89. Эта форма сомнительна; большинство исследователей переводят šuki 'как'. Возможно, из šu-ka(i).

2-е лицо эрг.пад.	we-š	неизвестен
абс.пад.	?	-
род.пад.	we-we	-
дат.пад.	we-wa	-
3-е лицо эрг.пад.	?	?
абс.пад.	ma(-ne) ⁹⁰ , me	ma-ni/e

Наряду с самостоятельными личными местоимениями имеются и энклитические. В хурритском они совпадают в абсолютном падеже с показателями субъекта состояния в глаголе; 3-е лицо единственного числа выражается при помощи -ma, -me, если стоит при имени, и -(e)n, если стоит при глаголе.

В урартском энклитические личные местоимения известны в абсолютном и дательном падежах и могут стоять при имени [ḫaldi-š(e)-ni/e 'Халдий мне']/, при местоимении [alu-š(e)-ni/e 'тот, кто мне', alu-š(e)-ni/e 'тот, кто ее']/ и при глаголе (ar-u-ni/e 'дал он мне'). Энклитические личные местоимения в абсолютном падеже при глаголе и есть объектные показатели.

Притяжательные местоимения бывают также самостоятельными и энклитическими.

Из самостоятельных известно урартское местоимение "его", "его собственный", образованное по типу прилагательных от ma- 'он': masi/e (< *ma-usi/e), masi/e(-ni/e). К нему может прибавляться еще и энклитическое местоимение: masi/e-ni/e-(i)ja-ni/e 'от его собственного', причем энклитическое местоимение присоединяется через посредство соотносительной частицы -ni/e.

Гораздо употребительнее энклитические притяжательные местоимения:

90. Отсюда образован, по-видимому, глагол: хуррит. man-; ур. man- 'быть'.

1-е лицо	-iff (-iv?)	-uki/e (< -uka) ⁹¹	-iff-aĩ	?
2-е лицо	-v (?)	?	?	?
3-е лицо	-i(j)a ⁹²	-i(j)a, -je ^{92a}	-i(j)-aĩ	?

Примеры: хуррит. *in atj-n-p-ā* (Рас-Шамра), читается *ene attaj-n(e)-iff-uĩ* 'боги отца моего'; *še-e-ni-iv-wu-ū-ul-la-an*, читается *žen-iff-u(ā)-lla-an* 'и брат мой их...'; *še-e-na-ra-an* читается *žena-v(?) -an* 'и брат твой'; *žen-iff-uzzi* 'братский' (букв. 'относящийся к моему брату'); *šin-ijaĩ* 'их двое'; *tupp(i)-ijaĩ* 'их таблетка' и т.д.

Ур.: *ebani-uki/e* 'моя страна'; *ebani-uki/e-(j)edi* 'к моей стране', *ebani-uka-ni/e* 'из моей страны'; *Išlub/pura-ni/e ubarda-l(i/e)-hi/e* *ha-u-bi/e* *eban(i)je* (пишется ^{KUR}*e-ba-ni-i-e*) *Irdua-ni/e* *patari/e* ^{L U G Á} *Ln-usi/e* *ha-u-bi/e* 'Ишлу-буру, [вождя] убурдцев, я покорил, страну его [и] Ирдуа, царский город, я покорил'; *ulg-u-š(e)-ija-ni/e* *edi-ni/e* 'ради его жизни'.

Остальные местоимения целесообразно рассматривать вместе, так как при общих основах они часто имеют различное значение в хурритском и урартском.

В хурритском указательный характер носят местоимения *andi*⁹³, *anni*, *agu*, *akku*. В урартском указательные местоимения образуются от основы *ini/e*⁹⁴, откуда также *inani/e* 'тот', *in(i/e)-uki* 'этот мой', 'этот близкий'; вероятно, также *in(i/e)-uka-hi/e* 'вот этот', *in(i/e)-usi/e* 'такой'. Основа *in-* известна и в хур-

91. Происхождение этой формы неясно. Нельзя ли ее рассматривать как *-(u)v-ka(i)*, собственно 'перед моим(?)'.

92. Шпейзер приводит еще сомнительную форму *-di*.

93. Ср. ур. *anda-ni/e(??)*.

94. Множественное число *ineli/e*. Ср. *ina* 'в этом', *ina-ni/e* иногда 'из этого'(?). Ср. *išani/e* 'тот [с другой стороны]'.

ритском, но в другом значении: *inu* 'как', 'поскольку'. Ср. также хуррит. *inna-* 'вот'. Для основы *akk-* ср. ур. *ak-uki*.

Относительное местоимение в хурритском *ija*, *je*, известное нам и как притяжательное местоимение 3-го лица в обоих языках⁹⁵. В урартском относительное местоимение *ali/e*⁹⁶ (в эргативе *ali-še*) 'который', 'тот который', 'вот который', 'вот какой'⁹⁷. Но есть неопределенное местоимение *je(i)* 'что-нибудь', 'какой-нибудь'. 'Иной' в хурритском и урартском выражается одинаково: *oli* (*uli/e*).

Г.А.Меликишвили видит в ур. *šui* имя, заменяющее в хурритском обобщающее местоимение: *šūwa*, *šue* 'совокупность'.

Отметим также хуррит. *awē* 'где?', 'когда?' и ур. *aiše(i)*, *aše(i)* 'где-нибудь', 'куда-нибудь' и относительное *aše* 'когда'; хуррит. *awenne* 'кто-нибудь' и ур. *aine(i)* с тем же значением; также ур. *aw(j)e* 'где', 'куда', 'куда-нибудь', может быть, связанное с хуррит. *awe*⁹⁸.

Выводы

В целом, если в области фонетики урартский оказался более архаичным, то в области морфологии он кажется более продвинутым, чем хурритский.

Из наших сопоставлений вытекает, что хурритский и урартский не только родственные, но очень близко родственные языки, не-

95. Чаще встречается бессоюзное подчинение.

96. Ср. *ali/e-ke... ali/e-ke...* 'одних ... других' и т.п.

97. Оно же, как нам кажется, вводит прямую речь (как аккад. *umma*), причем имя говорящего ставится в эргативе.

98. Число известных нам местоимений и частиц местоименного характера в хурритском значительно; см. *hejaḡanna* 'всякие', *ištani* 'друг друга'(?), *nuwe*, *undu-*, *au* 'вот', 'о!' *šukko* 'за-тем' и др.

смотря на то что при поверхностном взгляде на хурритский и урартский тексты бросаются более в глаза различия, чем сходство.

Это внешнее различие объясняется прежде всего синтаксическими причинами. Синтаксис урартского языка отличается значительно большей простотой и ясностью по сравнению с хурритским.

1. Порядок слов в урартском довольно свободный, в хурритском — более строгий; но о б ы ч н ы й порядок слов в урартском и хурритском неодинаков; так, для хурритского характерно положение определения до определяемого, в урартском его положение колеблется. Переходный глагол, однако, и в урартском имеет тенденцию занимать последнее место в предложении, как это неизменно происходит в хурритском.

2. Своеобразным синтаксическим явлением хурритского языка, отсутствующим в урартском, является номинализация придаточных предложений при помощи частицы *-āe*, на которую потом нарастают падежные показатели, играющие роль подчинительных союзов, и различные частицы.

3. Синтаксическая связь в хурритском поддерживается, помимо порядка слов, соотносительными частицами, перенесенными падежными показателями, прономинально-предикативными элементами и бесчисленным множеством энклитических частиц и союзов. Все они, кроме сильно выветрившейся соотносительной частицы, отсутствуют в урартском, где господствует либо бессоюзное сочинение, либо употребление обычных самостоятельных союзов (*e'i* и др.). Между тем именно все эти частицы придают хурритскому тексту настолько своеобразный характер, что в богатстве различных, часто неясных формантов тонут знакомые по урартскому языку лексика и морфология. Впечатление сумбурности, которое создает хурритский текст, столь непохожий на размеренную однообразность урартского, усиливается еще аккадской слоговой орфографией, совершенно не приспособленной к хурритскому языку.

Ср., например, хурритские предложения: ⁹⁹Ma-ni-e-el-la-ma-an
 pa-aš-šī-id-ḫi-we⁹⁹-uš we-ru-u-ša-a-al-la-a-an ma-a-na
 šu-e-ni ti-we-e-e-na ta-a-nu-ša-a-uš-še-na [Mane-(š-)lla-man
 pašši-ed-ḫe-v-(u)š wur-oš-a-lla-an ma-na šuwe-ne tiwe-na
 tan-oš-af-še-na]. 'Мане (эрг.пад.) их-же посыльный-твой-(эрг.
 пад.)знал-их-и их, все дела сделал-я-которые' ('Мане, твой посол,
 знал все те дела, которые я сделал'). К сожалению, мы не знаем
 урартских соответствий для употребленных здесь хурритских слов;
 но, используя те же корни и лишь употребляя урартские граммати-
 ческие форманты, чтобы показать разницу конструкции, мы получи-
 ли бы следующую "урартскую" фразу: ⁹⁹Mani/e-še ⁹⁹pašidḫi/e
 ali/e ⁹⁹ti-li/e šuini-li/e tan-u-li/e ⁹⁹ur-u-a-li/e. Отсюда
 видно, что даже при одних и тех же корнях иная синтаксическая
 конструкция в урартском создает впечатление большого различия
 в языках.

Или взять такие хурритские выражения, как ennašūš attanne-
 wenašūš šarrašeḫewenašūš 'боги [одного из] предков царствен-
 ного'; tupre niḫarrewa arošaffšenewe 'таблетка приданого, ко-
 торое я дал'; jallenin šeniffūš tubenaman šu(w)allaman
 kebanošāššena 'которые-они-поистине брат-мой-(эрг.пад.)письма-
 же все-они-же послал-он-которые' ('все же письма, которые брат
 мой действительно послал'); tuprubadallaman ain ewre(n)našūš
 paldubadae 'принимали(?)-ли-их-же (tupr(u)-bad-ae - герундий
 с подтверждающей частицей -bad-, управляемый эргативом?) ли
 цари-(эрг.пад.)справедливо' ('принимали ли их цари справедли-
 во'); šawuška-bae 'истинно [богиня] Шавушка'. Внешне эти выра-
 жения не имеют ничего общего с урартским текстом, и лишь анализ
 показывает нам наличие уже известных нам урартских слов i/eni/e
 'бог', ar- 'давать', šu- 'все(?)', ewri/e 'господин' и извест-
 ных урартских грамматических формантов: соотносительной частицы

-ni/e, падежных показателей -ʒe, -we, показателя абстрактных имен -ʒe, герундивного показателя -ae, личных показателей в глаголе: -bi/e, -a-, -li/e.

Различия между урартским и хурритским создаются также многочисленными комбинаторными фонетическими изменениями, имеющими место в особенности в хурритском.

Несомненно также, что, несмотря на близкую степень родства между ними, урартский – самостоятельный язык, восходящий к общему с хурритским языку-основе, а не поздний хурритский диалект, как иногда предполагали исследователи. На это указывает самостоятельный характер его фонетического строя и некоторые черты морфологии, не возводимые к хурритскому (например, особая основа множественного числа имени)¹⁰⁰.

Однако близость этих языков такова, что при скудости наших источников теперь уже нельзя исследовать один язык без другого, так как сравнение помогает анализу форм, а также установлению значений слов, и тем самым облегчает комбинаторное определение как лексических, так и морфологических элементов из контекста.

Чисто комбинаторный метод исследования, единственно законный при первоначальном изучении неизвестного языка, позволил установить закономерные соотношения между обоими языками; теперь этимологическое исследование не будет уже ложно-этимологическим и может идти рука об руку с комбинаторным, что позволяет надеяться на плодотворность дальнейшего изучения и того и другого языка.

Следовало бы поставить вопрос о наименовании обнаруживаемой таким образом новой языковой семьи (или ветви какой-то большей

¹⁰⁰. Показатель направительного падежа во множественном числе -aʒte может считаться заимствованием, попавшим из хурритского через ритуальные и культовые формулы и тексты.

семьи). Носители одного языка назывались хурритами, субарейцами, может быть матиенами; носители другого – биаинцами, урартами, алародиями; общего названия у них, по-видимому, не было. Может быть, подходящим был бы термин "алародийские языки". Он ранее предлагался для всех древневосточных языков неизвестной лингвистической принадлежности, которые в действительности не могут, вероятно, быть сведены в одну семью. Но в таком значении этот термин не привился, и, надо полагать, применение его специально к хурритскому и урартскому не вызовет недоразумений.
